

Название: Вход со двора

Автор: КП

Иллюстраторы: Илэра, Crazyberry

Пейринг/Персонажи: Невилл Лонгботтом/Ханна Эббот, Северус Снейп, Шеймус Финниган/Дин Томас

Категория: джен, упоминаются гет и слэш

Рейтинг: PG-13

Жанр: кейс-фик, социальная драма

Размер: 15150 слов

Краткое содержание: Профессор Лонгботтом никогда не смог бы предположить, что в один прекрасный день станет расследовать преступление. Тем более — вместе с профессором Снейпом, который, согласно официальной версии, на тот момент уже восемь лет как мёртв.

Примечание/Предупреждения: постканон, много маггловского мира. Это не детектив, просто здесь есть немного расследования. Упоминается смерть животного!

Невилл уже собирался ложиться, когда к нему прибежали Клементина Макалистер и Кевин Рэндалл, первокурсники с Гриффиндора. Он едва успел запомнить, как их зовут: на выучивание имён первокурсников всегда уходило от трёх до пяти недель, а сейчас была только середина сентября.

Клементина всхлипывала, Кевин неумело её утешал.

— Профессор Лонгботтом, сэр, нам нужна ваша помощь! — выпалил он.

— Отбой был почти час назад, — мягко сказал Невилл.

— Да, сэр, именно поэтому мы не... поэтому мы пришли к вам, — Кевин сверлил его решительным взглядом тёмных глаз.

Невилл вздохнул.

— Проходите, пока вас не поймали.

Дети прошмыгнули в комнату, и он закрыл дверь за их спинами. Мадам Хуч, нынешний декан Гриффиндора, была очень хороша, но за нарушения режима карала нещадно, не считаясь с тем, насколько уважительны причины. Невилл понимал, что покрывать нарушителей нехорошо, и если директор узнает об этом, ему влетит, но если и он не станет выслушивать их, к кому они пойдут? Станут решать свои проблемы без взрослых, как это делали в своё время Невилл и его ровесники?

— Итак, что за беда стряслась? — серьёзно спросил Невилл. Клементина была так расстроена, что даже не поздоровалась с ним, ей это было несвойственно, насколько он успел понять.

Ответила именно она, хотя из-за судорожных всхлипываний не всё, что она говорила, удавалось разобрать.

— Обжора... Она... Она умерла. Наелась и... и...

Кевин бормотал что-то малоосмысленное и гладил девочку по спине. Невилл, уже довольно сонный, пытался сообразить, что же он знает об этих двоих.

Клементина Макалистер — магглорожденная, по слухам, немного отстаёт по чарам и трансфигурации, но у него на гербологии показывала себя хорошо, профессор Слагхорн тоже отмечал её как очень старательную и внимательную девочку. Кевина Рэндалла, пожалуй, с некоторой натяжкой можно было назвать её полной противоположностью. Исключительно талантливый ко всему, связанному с размахиванием волшебной палочкой, он не обладал даже малой толикой усидчивости, необходимой для овладения той же гербологией. Что эти двое делали вместе вдали от своей гостиной, хотелось бы узнать? Помогали друг другу с уроками или занимались чем-нибудь поинтереснее? Сейчас, конечно, найти в Хогвартсе приключения несколько сложнее, чем во времена учёбы Невилла, но нет преград для истинно пытливого ума.

Тем временем Клементина судорожно вздохнула и попыталась говорить яснее.

— Я искала мою крысу, сэр. Она частенько вечером сбегает поесть... В общем, позавчера она застряла в вентиляции, мы вместе с мадам Хуч её доставали.

— Посреди ночи, — вставил Кевин. — Когда она перебудила весь Гриффиндор дикими завываниями, в вентиляции же оно оного как разносится.

— В общем, сегодня я решила найти её сама. И... нашла... — Она снова расплакалась. Невилл рассеянно гладил её по голове. Что толку сейчас утешать? Горе у человека.

Поплакав немного, Клементина продолжила. Она очень старалась крепиться и как можно чётче рассказать то, что видела.

— В одном из пустых кабинетов на шестом этаже оказалась не заперта дверь. Я подумала, что кто-то мог прятать там что-нибудь, а она решила, что это можно съесть... В общем, мы зашли внутрь.

«Ага, — подумал Невилл, — вот и «мы» появились. То есть на поиски вы отправились вместе с Кевином».

— Парты в кабинете были сдвинуты к левой стене...левой от нас, если стоять спиной ко входу. И всюду стояли мешки, разные, большие, маленькие. И Обжора... Она лежала... На полу...

Невилл подумал, что сейчас Клементина снова разрыдается, но она только пару раз всхлипнула и очень чётко, как будто это сейчас было самым важным в её жизни, произнесла:

— Она съела что-то из мешка, угол был погрызен и на пол просыпался порошок. Белый такой. Как мука или мел. Обжора наелась и отравилась. Она лежала там мёртвая, возле мешка. И морда в порошке, и лапки.

Кевин приподнялся и осторожно положил на столик, возле которого они сидели, мёртвую крысу. Она была завёрнута в платок, он развернул его и положил трупик, словно на подстилку.

— Сэр, — серьёзно сказал Кевин, — у нас в незапертом кабинете полно какой-то отравы.

— Надо сообщить в полицию? — спросила Клементина.

— У волшебников нет полиции, — фыркнул Кевин.

— Есть, — возразил Невилл. — Я поговорю с ними.

Он поднялся, подошёл к камину, заблокировал его и вызвал Департамент магического правопорядка.

— Здравствуйте, — сказал появившемуся в камине молодому человеку со сложной причёской из мелких кудряшек. — Я — профессор гербологии Невилл Лонгботтом, говорю с вами из Хогвартса. У нас в одном из кабинетов хранится неустановленное вещество, предположительно ядовитое, мы не знаем, кто его туда принёс.

Он мог утверждать это наверняка: никто из преподавателей, кому могло бы понадобиться хранить ядовитые ингредиенты, не стал бы делать это так безалаберно.

— Этим веществом нанесён ущерб? — поинтересовался молодой человек.

— Отравилось домашнее животное ученицы.

— Простите, сэр, но мы не можем зарегистрировать гибель домашнего животного как преступление.

— А хранение опасного вещества? Могут пострадать дети!

— Видите ли, профессор Лонгботтом, Хогвартс имеет статус территории с особыми правами. Мы не имеем права вмешиваться в его дела, пока не нанесён реальный ущерб, квалифицируемый как преступление. Провоз запрещённых либо опасных веществ в Хогвартс, их хранение там или вынос оттуда не в нашей юрисдикции, Хогвартс разбирается с этим сам. Я понимаю ваши опасения, они, скорее всего, небеспочвенны, но вам следует обратиться с этим к директору.

— Хорошо, но хотя бы выяснить, что именно за порошок в этих мешках, вы можете? У нас может не оказаться нужного оборудования...

— Вне пределов нашей компетенции, сэр, простите. Вольности Хогвартса очень ограничивают нас.

— Понятно, спасибо. Что ж, попробуем разобраться сами.

— Но если кто-то из детей или преподавателей получит хотя бы лёгкое отравление, — поспешил добавить молодой человек, — мы сразу же сможем вмешаться!

— Надеюсь, этого не произойдёт, — сухо ответил Невилл и прервал сеанс связи.

И только потом понял, что пытался ему сказать клерк Департамента магического правопорядка.

Клементина тоже поняла.

— Сэр, — сказала она, — если я наемся этого порошка, совсем немного, вы же сможете их вызвать, верно?

— Ну уж нет. Мы не знаем, что это за порошок, он может быть опасен для вас, мисс Макалистер. Сначала попробуем установить его состав.

«Если получится», — добавил Невилл про себя. Нужного оборудования в Хогвартсе действительно не было. У Слагхорна были, конечно, реактивы, помогавшие выявить основные используемые на зельях ингредиенты, но не более того. А практику зельевара он оставил уже давно, всё говорил, что слишком стар, что не хватает сил...

Пока он думал, кого можно попросить о помощи, Кевин потянул его за рукав.

— Сэр, я, кажется, знаю одного человека... Я не уверен... Ну, то есть он точно может помочь, просто он разрешил обращаться к нему только в самом крайнем случае. Но это, наверное, и есть крайний случай, да?

Невилл посмотрел на мёртвую крысу, на заплаканную маленькую гриффиндорку. Да, определённо, этот случай можно было назвать крайним.

— А что может этот ваш человек? Кто он таков?

— Состав любого вещества установить. Если надо, у него есть концы у копов... У маггловской полиции, там разные анализы умеют делать. Ну, то есть, пойти к ним официально мы не можем, я понимаю, они же в Хогвартс и не зайдут, а если и зайдут, у нас же документов нет ни у кого. Нас арестуют всех и в тюрьму посадят! Но он может просто, ну, попросить, понимаете? Ему не откажут. Со связями человек. Он однажды сильно помог маме... Так, я должен рассказать, я понимаю, сейчас. Мои родители — магглорожденные, мы выросли в маггловском городе, я в младшую школу ходил. У нас дом с большим участком вокруг, мы там кур держим. И вот эти куры сталидохнуть, одна за другой, а потом сильно заболела мама. Они с папой всё обшарили, на проклятия проверялись, из Мунго людей вызывали, ничего не нашли. И тогда маме дали адрес этого человека. Он пришёл к нам домой, покрутился немного и нашёл. Оказывается, мы покрасили крыльцо вредной краской, и она понемногу испаряла... — он сделал неопределённый жест рукой.

— Яд? — спросила внимательно слушавшая Клементина.

— Нет. Там чары были специальные наложены, на краску. Он помог нам найти того, кто их наложил, и в общем, мы узнали, кто маме зла желал.

«Родители твои узнали, — подумал Невилл, — а тебе рассказывать не стали. Но ты, конечно, не признаешься в этом. А кто бы признался?»

— Когда я ехал в Хогвартс, — сказал Кевин, — мама меня заставила его адрес выучить. Мало ли что случится.

— Он волшебник? — Невилл почти не сомневался, но на всякий случай уточнил.

Кевин энергично кивнул.

— Да. Просто очень не любит, когда его беспокоят по пустякам. Но это ведь не пустяк, верно?

— Не пустяк, вы правы. Говорите адрес.

— Голивуд, Дауншир-роад, сто тринадцать, вход со двора, — оттарабанил Кевин.

— Голливуд?! — ахнула Клементина.

— Не Голливуд, а Голивуд, — поправил её Кевин. Невилл, откровенно говоря, не

понял, в чём разница, но Кевин объяснил: — Голливуд в Америке, там фильмы снимают. А Голивуд — пригород Белфаста. Это в Северной Ирландии, — добавил он.

Невилл кивнул.

— Я понял. Как вы думаете, я могу сходить к нему сам или надо непременно связываться с вашими родителями?

— Можете, конечно. Все так делают: приходят к нему и говорят, мол, я от такого-то, он сказал, в крайнем случае можно к вам обратиться. Вот и скажите, мол, вы от Рэндаллов. Только не камином, он не любит, когда к нему прямо домой заявляются. Можно на совятню Белфаста по каминной сети добраться, а потом дойти, там вроде недалеко. Все так делают, — повторил Кевин. Вздохнул и добавил, виновато поглядев на Клементину: — Я бы сам пошёл, но мне же нельзя до каникул...

— Вам и на каникулах нельзя так далеко ездить без взрослых, — строго сказал Невилл. — Хорошо, давайте я провожу вас в Гриффиндорскую башню, уже поздно. Если мы с госпожой директором не решим вопрос сами, я непременно заеду к этому... человеку.

Имени странного волшебника «со связями» Невилл спрашивать не стал: судя по всему, Кевин и сам его не знал, а то упомянул бы в своём рассказе. Родители прискорбно мало нужного рассказывают детям.

Вся эта история ему откровенно не нравилась. В Хогвартсе нередко прятали всякие странные, а порой и откровенно опасные вещи, но когда прячут, запирают двери.

Клементина осторожно взяла мёртвую крысу, снова завернула в платок. Невилл слегка приобнял её и Кевина за плечи, и они в молчании дошли до Полной Дамы.

— Отбой был уже давно, молодые люди, — строго сказала она.

— Это я их задержал, — сказал Невилл, — откройте проход, пожалуйста.

— Некоторые мальчишки, — чуть мягче сообщила Полная Дама, — остаются нарушителями, даже когда становятся профессорами.

— Вот уж обо мне-то вам должно быть стыдно такое говорить, мэ, — покачал головой Невилл.

— О, да, конечно, господин Полудиректор, простите великодушно, — Полная Дама с ехидной улыбкой присела в книксене. — Проходите, молодые люди. Доброй ночи, сэр.

— Доброй ночи.

Подколку он проигнорировал. Господином Полудиректором его прозвали хогвартские портреты и призраки, когда он учился на седьмом курсе. Впрочем, «учился» — явно неподходящее слово для того, что он тогда делал.

Прошло уже восемь лет, не хватит ли напоминать при каждом удобном случае?

Госпожа директор ещё не ложилась — кошки мало спят ночью. Она выслушала Невилла, недовольно поджав губы и время от времени коротко кивая.

— Пустой кабинет на шестом этаже, — сказала, когда он закончил. — Понятно. Идём, Невилл.

О «человеке со связями» он почему-то не упомянул. Наверное, потому, что был практически уверен: Минерва не одобрит. Назовёт «глупой авантюрой» и запретит ему ехать непонятно к кому. Скажет: «Это дело Хогвартса». И будет по-своему права...

Но это будет ошибкой.

Мешки со странным белым порошком нашли довольно быстро — главным образом благодаря нескольким белым следам у одной из дверей. Дети, шокированные смертью крысы, конечно, не обратили внимания, что на их подошвах осталось немного порошка. Минерва решительно наложила на камин в кабинете ещё один блок, присовокупив к нему что-то хитрое, не то дополнительно запирающее, не то сигнальное.

— Возьмём немного этой белой гадости и пойдём к Горацию, — сказала она. — Запри дверь хорошенько, когда мы выйдем отсюда.

Профессор Слагхорн встретил ночных гостей неласково, но спорить не стал. Зажёг горелку, поставил на неё прозрачную колбу и начал исследование. Невилл едва не заснул в кресле, но негромкое «пух!» взбудило его.

— Ничего, — недовольно пояснил Слагхорн. — Растительных частиц нет. Животного сырья нет. Магической компоненты нет. Есть немного мела и какие-то сложные вещества искусственного происхождения. Не представляю, что бы это могло быть, нужна серьёзная лаборатория.

Минерва кивнула.

— Хорошо, я обращусь в лабораторию.

— И когда будут результаты? — зевнув, спросил Невилл.

Госпожа директор нахмурилась.

— Если повезёт, к концу следующей недели. А что?

— Просто пытаюсь понять, сколько у нас времени... на что. Надо бы выяснить, кто поставил эти мешки в кабинет...

— Ну, надеюсь, он придёт за ними, — пожала плечами Минерва. — Невилл, иди спать, ты еле на ногах стоишь.

— Да, госпожа директор, вы правы. Простите, был тяжёлый день.

— Я, с вашего позволения, тоже пойду спать, — подал голос Слагхорн. — Кое-какие реакции будут готовы к утру, если что, я сообщу. Доброй ночи, господа.

Невилл извинился за позднее вторжение — Минерва и не подумала это сделать — и наконец отправился в постель. Он чувствовал себя нашкодившим школьником, который к тому же наврал своему декану. Но Минерва Макгонагалл была связана своими должностными обязанностями и пресловутыми вольностями Хогвартса. А ещё она должна была отчитываться попечителям. А Невилл — нет.

Он мало знал о маггловском мире, но что там умеют быстро и точно анализировать любое вещество, ему было известно. Гермиона не раз сетовала на несовершенство магических технологий. А собственных связей среди магглов у него не было — или он о них не знал.

Возможно, профессор гербологии Невилл Лонгботтом делал несусветную глупость, но он с детства считал себя довольно-таки удачливым человеком. В конце концов, он не оказался сквибом, смог неплохо выучиться, несмотря на полное отсутствие способностей, и даже выжил в битве за Хогвартс. А ещё — Волдеморт выбрал сначала прийти за Гарри, а не за ним, и это спасло Невиллу жизнь. От его лба авада бы точно не отскочила, он же самый обычный, не Избранный.

Может, этот странный волшебник, к которому можно обратиться в крайнем случае, — очередное везение недотёпы Лонгботтома?

Не исключено. Стоит проверить.

Голивуд оказался крохотным городишком — или правильнее будет сказать «окрайной»? Невилл толком не разобрался: Белфаст ещё не успел закончиться, а Голивуд уже начался. Наверное, когда-то давно это были два соседних поселения, но потом Белфаст разросся так, что подобрался к самому Голивуду, и они объединились, даже улицы у них были общие. С одной стороны Нокнэгони-роуд ещё считался Белфастом, а с другой — уже Голивудом. И буквально в двух шагах от того места, где один город практически незаметно превращался в другой, располагалось огромное поле, о котором все встреченные Невиллу магглы, у которых он спрашивал дорогу, отзывались с неизменной гордостью: аэропорт Белфаста. Что это такое, Невилл понимал смутно. Он видел, конечно, самолёты, взлетающие и садившиеся, порой ему казалось, что какой-нибудь из них сейчас рухнет ему прямо на голову. Аэропорт был, по-видимому, полем, куда они садились и откуда взлетали, и там же, возможно, находился гараж для самолётов. В любом случае, туда ему было не надо: Дауншир-роуд лежала в другой стороне, как ему объяснили, «за колледжем, между начальной школой и библиотекой».

Дома здесь стояли очень кучно, кое-где вообще вплотную друг к другу, поэтому Невилл несколько раз уточнял направление. Наконец, табличка на одном из маленьких белых домов возвестила, что он добрался до Дауншир-роуд, и его приветствует дом сто

пятнадцать. Это радовало, потому что Невилл немало утомился, топая по бесконечным улицам перетекающих друг в друга городов и пытаясь объясниться с местными жителями, которые говорили по-английски с довольно ощутимым акцентом. Невилл отвык его понимать: Шеймус Финниган довольно быстро научился говорить правильно, да и к тому же они в последний раз виделись года четыре назад. Или даже пять? За школьными делами Невилл совсем сбился со счёта. Он Ханну-то в последний раз видел неделю назад. И сидел бы сейчас с ней снова, если бы не эта история...

Глядя на дом номер сто тринадцать, Невилл мысленно поблагодарил Кевина за уточнение про вход со двора. Домики в этом квартале были одинаковые: двухэтажные, белые, с чёрными черепичными крышами и коричневыми оконными рамами, очень чётко и недвусмысленно разделённые надвое. В левую и правую половины вели отдельные двери, и обычно, чтобы подойти к ним, надо было немного пройти в сторону двора по выложенным светло-серой плиткой дорожкам. Но в доме сто тринадцать правая дверь располагалась, как в других домах, а вот чтобы позвонить в левую, надо было пройти дальше, отворить деревянную калитку, ведущую в крохотный дворик, и уже там подняться на узкое крыльцо. Определённо, обитатель этой половины дома не любил гостей.

Припекало полуденное солнце. Окна в левой половине дома закрывали плотные шторы — и не поймёшь, дома хозяин или весь долгий путь от белфастской совятни пройден зря. Невилл сделал глубокий вдох и решительно направился к калитке.

Она не запиралась на хитрый замок, как другие. Открылась легко, и Невилл торопливо, чтобы не передумать делать эту глупость, поднялся на крыльцо и позвонил в круглый чёрный звонок.

Какое-то время было тихо, потом в глубине дома раздались шаги. Нельзя было сказать, чтобы хозяин шёл к двери особенно неторопливо, хотя и не бежал со всех ног. Невиллу казалось, что на него пялится весь квартал; в этих маггловских городах живёт невероятная уйма народу, они, наверное, и половину ближайших соседей по имени не знают, живут, будто в огромной толпе. Он очень хотел, чтобы незнакомый волшебник поскорее добрался до двери и открыл её: было странное, иррациональное чувство, что внутри, за плотными шторами, Невилл наконец спрячется от всей этой толпы неизвестных ему людей, живущих по непонятным законам. Ещё лучше, если внутри окажется камин — хотя он там наверняка есть, вон и труба, — и что-нибудь достаточно волшебное, чтобы можно было представить себя где-нибудь в уилтширской глуши.

Дверь открылась, и Невиллу внезапно захотелось провалиться сквозь землю. На него своим обычным взглядом человека, недовольного, что его побеспокоили какие-то явно недостойные люди, смотрел Северус Снейп.

Одет он был, конечно, в чёрное, и его наряд резко контрастировал со светлыми стенами и той мебелью, которая была видна в дверной проём. Волосы у Снейпа были непривычно коротко подстрижены, но на лице застыло всё то же выражение О-нет-опять-Лонгботтом.

— Здравствуйте, профессор, — брякнул Невилл, не сообразив, что профессор тут сейчас как раз он, а Снейпу может быть неприятно, когда его называют по-старому. Снейп молчал, и он продолжил: — Простите, что побеспокоил, но у меня, кажется, крайний случай. Один из моих студентов сказал, что вы можете помочь.

Снейп чуть посторонился.

— Ну, проходите, раз так, — неприветливо сказал он. — Расскажите, что у вас за крайний случай.

Невилл прошёл в дом, споткнувшись о порог, и опрокинул подставку для зонтов, неловко взмахнув рукой. Определённо, присутствие Снейпа снова будило в нём неуклюжего первокурсника, и с этим надо было немедленно что-то делать, пока бывший профессор не пришёл в ярость и не выгнал его вон.

— Простите, сэр, — пробормотал Невилл, — я несколько растерян, не ожидал

увидеть именно вас...

— А кого ожидали? — язвительно спросил Снейп.

Невилл неловко пожал плечами.

— Некого волшебника, у которого большие связи. Мне не сказали имени.

— Идёмте в гостиную, я принесу чай. Осторожнее, прихожая узкая, и здесь опять порожек.

Он говорил вроде бы и спокойным тоном, но Невилл прекрасно слышал в голосе бывшего профессора ядовитую нотку, мол, коль скоро вы намерены обстучать собой все пороги в моём доме, то хоть делайте это поаккуратнее, не сломайте ничего.

Говорить с живым Снейпом о текущих делах было дико. Хотелось схватить его, ощупать, убедиться, что на самом деле в войне случилось на один труп меньше, осыпать упрёками за то, что не давал о себе знать... Это всё было совершенно неуместно, поэтому Невилл осторожно, глядя под ноги, прошёл следом за Снейпом в крохотную гостиную и с облегчением занял кресло в углу. «Спрятался», — подумал с ехидцей.

— Итак, то, чего я в общем ожидал, произошло, — заявил тем временем Снейп, — известие обо мне докатилось до... вашей компании. Кто ещё знает?

— Думаю, пока только я, сэр. Но, право же, если вы хотели, чтобы о вас не знали...

— Да, я знаю. Мне стоило запретить давать свой адрес всем подряд. Нет, я понимал, что передышка временная. Посидите здесь, я сейчас принесу чай, и мы поговорим. Вам чёрный, зелёный?

— Чёрный, если можно, с мелиссой. И две ложечки сахара.

— Можно, отчего же нельзя, мне что, сложно мелиссу добавить? Подождите немного.

Снейп скрылся за дверью — светлой, здесь всё было светлым, — а Невилл огляделся. Гостиная была так мала, что в неё помещались лишь диван, два кресла, журнальный столик и книжный шкаф. И камин, такой узкий, что казался игрушечным. У камина лежал бежевый коврик с надписью коричневыми буквами: «Вытирайте ноги». На стенах висело несколько городских пейзажей и неподвижный портрет длинноволосого старика. Прищурившись, Невилл смог прочитать несколько надписей на корешках книг, стоявших в шкафу. Конечно, кто бы сомневался, литература там хранилась отнюдь не художественная. «Ядовитые растения Великобритании», «Неорганическая химия», «Фармацевтика. Том 3»... Может узнать состав любого вещества, говорите? О да, пожалуй. Особенно если оно смертоносное.

Снейп вернулся, прямой как палка, с обычной своей кислой физиономией — и с подносом, на котором возвышались чашки с поросятами, летавшими среди облаков. На одной из чашек имела большая свинья, она сидела на облаке и благобно взирала на это безобразие. На второй чашке вконец расшалившиеся поросята прямо в небесах играли в футбол.

— Чёрный с мелиссой, два сахара, — чопорно произнёс Снейп и поставил перед Невиллом чашку с большой свиньёй. Футболистов забрал себе.

Это взбодрило. Приходилось держать лицо, делая вид, что ничего особенного не происходит. И странным образом поднялось настроение. Не может такого быть, чтобы в доме Снейпа не нашлось каких-нибудь простых однотонных чашек. Не может быть, чтобы он не понимал, как выглядит: мрачный тип, затянутый в чёрное, посреди светлой гостиной и с чашкой, на которой поросята играют в футбол. Пытается помочь гостю расслабиться? Даже если и нет, расслабиться определённо стоит. И собраться с нужными мыслями, а не закапываться в глупые детские воспоминания.

— Сэр, мне очень нужно узнать состав некоего вещества, — сказал Невилл, сделав пару глотков. — Оно хранится в одном из пустых кабинетов Хогвартса, я не знаю, кто его туда положил. Крыса одной из учениц наелась его и умерла. Меня очень беспокоит, что кабинет с этим... веществом даже не был заперт. Я должен понять, кто его там оставил и зачем.

— Вы должны? — переспросил Снейп.

Невилл на миг задумался, потом кивнул.

— Госпожа директор, разумеется, тоже занимается этим вопросом. Но в министерстве нам отказались помочь, а в частном порядке просить исследования... В общем, это займёт много времени. Госпожа директор заперла кабинет, так что хозяин мешков, скорее всего, быстро поймёт...

— Мешков? — снова переспросил Снейп.

— Да, там около двух десятков мешков разного размера. Я выходил из кабинета последним и набрал немного из двух мешков, мне кажется, это не одно и то же вещество. Сэр, мне очень важно как можно скорее узнать, что это такое, чтобы тот, кто его оставил там, не успел ничего предпринять...

— Не надо объяснять мне очевидные вещи, я не ваш студент, — поморщился Снейп. — Чтобы он не успел ничего предпринять, действовать надо было сразу же, а не ждать выходного.

Невилл поджал губы.

— Мы с госпожой директором узнали о происходящем этой ночью.

— Уже лучше. Давайте ваши образцы.

Невилл немедленно запутался в кармане, но взял себя в руки и нащупал два плотно закупоренных фиала.

— Зачем порошок в фиалы? — изумился Снейп.

— Что оказалось под рукой, — отмахнулся Невилл. — Я побоялся трансфигурировать что-нибудь, мало ли, как магия может повлиять...

— Понятно. Что требуется от меня? Просто узнать состав вещества?

— Простите, сэр, вы не могли бы конкретизировать вопрос? Боюсь, я не до конца представляю, чем вы занимаетесь.

— Я решаю проблемы других людей. Не у всех, знаете ли, хватает ума решить свои проблемы самостоятельно.

— Не все проблемы можно решить в одиночку, — возразил Невилл. Он не представлял, зачем спорит со Снейпом, но отчего-то вспомнился седьмой курс, и бледный Гарри, и горящая на голове Шляпа...

— Не все, — внезапно покладисто согласился Снейп. — Но обычно люди, у которых в черепной коробке есть некоторое количество мозга, способны понять, какая именно помощь им нужна. Даже Поттер додумался сказать вам, что надо убить змею.

«А ведь я, выходит, убил ту, которая почти стала твоей убийцей», — подумал Невилл. Но как относится к этому факту Снейп, он не мог себе представить.

— Я хочу узнать, кто и зачем хранит в Хогвартсе... неведомо что, — подумав, сказал Невилл. — Чем это может быть чревато. Я хочу остановить этого человека. Сам или с чьей-то помощью — неважно.

Снейп кивнул.

— Надеюсь, с годами вы поумнели, мистер Лонгботтом. Мне не хотелось бы делать всю работу за вас.

В этот миг Невилл впервые ясно понял, во что впутался. Ему предстоит приключение вместе со Снейпом. И он сам пришёл и попросил об этом.

Нет, не прибавилось у него ума за последние восемь лет. Сначала вляпаемся, потом разберёмся во что, любимые грабли.

— В любом случае, — продолжал Снейп, — мне понадобится два или три дня на исследование. Надеюсь, двух хватит. Следящие чары на кабинет наложены?

— Да, кто бы ни попытался туда проникнуть, это станет известно.

— Хорошо. Будем надеяться, ваш злоумышленник туп, как и все студенты Хогвартса. Допивайте чай и ступайте, мистер Лонгботтом, чем раньше я принесу эти ваши образцы в лабораторию, тем раньше получу ответ. И, пожалуйста, отправляйтесь назад через камин. То, что вы считаете обычной маггловской одеждой, привлекает внимание.

Невилл почувствовал, что краснеет.

— Что с ней не так? Мне ведь нужно знать...

— Просто она вышла из моды, когда мой отец был ещё мальчишкой. Среди магглов, конечно, тоже встречаются чудаки, но я не хотел бы, чтобы мои гости были как-то особенно заметны. Учитывая, что этот дом магглы не видят. Да полно вам, мистер Лонгботтом, вы ко мне хоть не в пижаме явились. Женской.

Невилл не удержался и хрюкнул в чашку.

— О, — Снейп закатил глаза, — вся улица неделю гудела. Легенда о сбежавшем из лечебницы психе родилась за несколько минут. Не умножайте местный фольклор, пожалуйста.

Невилл кивнул, отставил пустую чашку и поднялся.

— Спасибо, сэр. Когда мне к вам...

— Я дам знать. А вы постарайтесь обращать внимание на студентов, которые ведут себя... нервно. И не только на студентов. Всего хорошего, мистер Лонгботтом.

Перед камином он споткнулся только один раз. Кажется, начал привыкать.

Все выходные Невилл, как дурак, ждал сову. Он понимал, конечно, что если Снейп обещал результаты в лучшем случае через два дня, то вряд ли он пришлёт их через два часа, но мало ли, чудеса ведь случаются. И авады от людей отскакивают, в конце концов.

Но сова так и не прилетела. Вместо неё явилась лань, изящная, тонконогая и совершенно прозрачная. Нервно переступив с ноги на ногу, патронус посмотрел на профессора Лонгботтома, который в одиночестве пил утренний чай, и произнёс голосом Снейпа:

— Анализ готов, нам нужно поговорить. Сколько времени вы свободны?

Лань явно ждала ответа, так что Невилл бросил быстрый взгляд на часы.

— Около полутора часов.

— Вторая пара, — кивнула лань.

— Вторая, третья и четвёртая, — уточнил Невилл.

— Хорошо. Я сейчас приду. Позаботьтесь, чтобы к вам никто не заявился.

— Я разблокирую камин.

— В этом нет необходимости, — каркнула лань и растаяла в воздухе.

Невилл непонимающе моргнул, поднял палочку — привычка всё время держать её под рукой не только никуда не делась, но, кажется, вошла в его плоть и кровь, — и наложил на дверь запирающие чары. Он никого не ждал, планировал посвятить утро проверке домашних заданий, но дети слишком часто врываются без предупреждения. Снейп знал это не хуже прочих.

— Доброе утро, — послышался голос от камина.

— Он же заблокирован, — пробормотал Невилл.

Снейп раздражённо отмахнулся.

— Не для меня. Я не увольнялся с должности директора, вы забыли? Замок узнаёт меня.

— То есть профессор Макгонагалл тоже так может? — глупо моргнув, спросил Невилл.

— Несомненно. Итак, мистер Лонгботтом, — он опустился в кресло, — я был бы вам благодарен за чашку чаю, крепкий чёрный без сахара и молока, я со вчерашнего утра на ногах.

— Профессор Лонгботтом, — рассеянно поправил Невилл, поднимаясь и призывая ещё горячий чайник.

— Простите?

— Мы в Хогвартсе, сэр. Здесь я профессор Лонгботтом, даже если нас не слышат студенты. Вы ведь знаете правила.

Удивительное дело, но Снейп улыбнулся. Точнее, на его лице зазмеилась некая

странная трещина, которая, если хорошенько присмотреться, представляла из себя его губы, изогнутые в улыбке. И в тёмных глазах появилось странное выражение, похожее на веселье.

— Я могу в ответ называть вас господином директором, — не моргнув глазом, добавил Невилл, наливая чай в большую белую чашку.

— Нет уж, избавьте меня от этого, будьте так добры... профессор Лонгботтом.

— Что же помешало вам спать сегодня, сэр? — поинтересовался Невилл, заодно наливая чаю и себе.

Снейп поморщился.

— Магглы. Они задают чёртову уйму вопросов, когда речь заходит о чём-то серьёзном. Я же не сам делал анализ, точнее, я провёл лёгкую первичку, чтобы понять, какую лабораторию подключить. Откровенно говоря, я растерялся. Сперва я полагал, что у вас хранят наркотики, это отличная идея, к слову. Вы знаете, что такое наркотики, профессор Лонгботтом? — Тон у него был невинный, и всё же яд сочился из промежутков между словами, невидимый, но смертоносный. В устах Снейпа слова «профессор Лонгботтом» звучали большей насмешкой, чем «вы, недотёпа».

— Знаю, конечно же. Хотя вряд ли назову хоть парочку имеющих хождение в маггловском мире.

— В общем, это не наркотики, профессор. Мы с вами имеем дело с намного более интересным преступлением. Ума не приложу, зачем это может понадобиться студенту. И если хотите знать моё мнение, я считаю, что пресловутые мешки принадлежат отнюдь не студенту. Возможно, кого-то из детей использовали вслепую.

— Возможно, — задумчиво согласился Невилл. — По крайней мере, за это время никто не наведывался в кабинет...

— Я знаю. Замок слушается меня, не забывайте. Я попросил информировать меня, если сработают эти чары. Не исключено, что мешки поставили в том кабинете первого сентября и не собираются трогать до конца года. Или до какого-то другого времени. Видите ли, профессор Лонгботтом, в школе хранится некачественное лекарственное сырьё. Маггловские лекарства, полностью синтетические, причём изготовленные с нарушением технологии.

Невилл непонимающе посмотрел на Снейпа.

— Но кому они могут быть нужны? Почему их не выбросили?

— Потому что, надо полагать, собираются продать. О, в маггловском мире это целая индустрия — продажа поддельных лекарств. Позвольте кратко ввести вас в курс дела. — Снейп отпил из чашки, на миг удовлетворённо прикрыл глаза и продолжил: — Чаще всего встречаются пустышки — пилюли из муки и толчёного мела, которые спрессовали, придав им форму настоящего лекарства, и расфасовали по самостоятельно изготовленным упаковкам. Это наиболее выгодный вид подделки, ведь мука и мел крайне дешёвы. Произвести лекарство, даже с нарушением технологии, не в пример дороже. Однако иногда происходит... М-м, как бы вам понятно объяснить, как у магглов работает фармацевтическая промышленность. Разные компании производят множество лекарств; некоторые этим не ограничиваются, а ещё и придумывают новые. Это очень, очень дорого, ведь новое лекарство должно пройти множество испытаний, прежде чем его признают эффективным и пригодным к употреблению. Поэтому первое время тому, кто придумал новое средство, разрешается продавать его по высоким ценам, чтобы он окупил свои затраты и получил прибыль. Затем он обязан рассказать остальным, как делается это лекарство, чтобы его смогли производить по всему миру. И вскоре начинают делать так называемые аналоги — всё то же самое, но из чуть более дешёвых ингредиентов, или при помощи оборудования попроще, словом, экономят, как могут. И вот здесь возможны ошибки и неточности. Осваивая производство нового вещества — оригинального или аналога, — производители неизбежно делают ошибки, вы же понимаете, тупицы, не способные правильно прочесть рецепт, есть везде. А кое-что не удаётся адаптировать под

другое оборудование, или подводят условия хранения ингредиентов... Одним словом, бывает, что куча денег вылетает в трубу, и получившийся продукт нельзя продавать как лекарство, он не пройдет контроль качества. Но денег жалко!

Невилл кивнул.

— И недобросовестный производитель делает вид, что это нормальное лекарство?

— Ну да. То есть сначала он всё же учится делать его правильно, проходит контроль, получает сертификат соответствия и право продавать лекарство. А потом втихую сбывает и это, изготовленное раньше. Но до той поры бракованное средство надо где-то хранить, чтобы его случайно не нашли. Если производитель уже был пойман за чем-то противозаконным, на его склады и в лаборатории в любой момент могут нагрянуть и посмотреть, что там происходит. Полагаю, именно поэтому эти мешки притащили к вам в Хогвартс. Магглы крайне заинтересованы этим делом. Если там прямо мешки, это сотни тысяч фунтов. Или больше.

— И приготовленное неправильно лекарство может быть вредно для здоровья, — задумчиво добавил Невилл.

— Естественно. Его нельзя продавать. У вас есть какие-то соображения, — в тоне Снейпа слышалась бездна скептицизма, — о виновнике всего этого переполоха?

Невилл вздохнул.

— Боюсь, что нет. Но это, видимо, магглорожденный либо тесно связанный с магглами человек. Я составил список... Никогда бы не подумал, что стану составлять список магглорожденных студентов.

— Фоули довольно глубоко в фармацевтическом бизнесе, — невинно заметил Снейп.

Невилл поперхнулся чаем.

— Фоули? Те самые, из числа двадцати восьми?

— Те самые. А что вас, собственно, удивляет? Это просто инвестиции. В магическом мире довольно трудно делать деньги из денег, гоблины монополизировали это благородное занятие. Я всего лишь хотел напомнить вам, профессор Лонгботтом, что для того, чтобы быть тесно связанным с маггловским миром, вовсе не обязательно быть магглорожденным. Хотя, конечно, в большинстве случаев такие связи действительно обусловлены происхождением. Хорошо, давайте зайдём с другой стороны. Возьмём перечень людей, производящих лекарства, и попробуем найти кого-то, близкого им, в Хогвартсе.

«Ах ты ж сукин сын! — подумал Невилл. — Прекрасно понимал, что у меня нет никакой информации, просто хотел убедиться, что я не вынул из кармана нужного человека, и пнуть по этому поводу. Некоторые вещи не меняются!»

— Полагаю, этот перечень уже у вас? — вежливо осведомился он.

— Нет, мне обещали его к завтрашнему дню. И на определённых, — Снейп поморщился, — условиях. Нужно, чтобы вы пошли со мной и подтвердили, что я говорю правду и обстоятельства действительно именно таковы.

— Я? — удивился Невилл. — У меня же даже маггловских документов нет.

— О, это не имеет значения. С вами хочет поговорить человек, который вас знает. И, так уж вышло, доверяет вам больше, чем мне.

Даже это Снейп сказал так, чтобы Невилл уяснил: причины такого положения — исключительно в том, что у него, Невилла, не хватит соображения и на простенький обман, так что его наивность может служить гарантией.

— Хорошо, — пожал плечами Невилл. — На сегодняшний вечер у меня нет никаких планов; конечно, считается, что я должен постоянно находиться в Хогвартсе, но раз директор Дамблдор позволял себе регулярно нарушать это правило, отчего бы мне не последовать его примеру?

— Похвальная отмазка, — кивнул Снейп. — Тогда встречаемся в пять часов... — он на миг задумался, — здесь. Я помогу вам одеться так, чтобы к вам на улице не

подбегали фрики с просьбой сфотографироваться с ними.

— В полшестого, — покачал головой Невилл. Лексикон у Снейпа, однако... «Отмазка»... Раньше он тоже так разговаривал, интересно? Надо директора спросить. — В пять двадцать у меня только отработка заканчивается.

— Хорошо. — Снейп поднялся. — До вечера.

Занятия всегда доставляли Невиллу невыразимое удовольствие. Точнее, не всегда; первые пару месяцев было трудно, он заикался, запинаясь, путал слова и потел, понимая, что опять сбился и не может вспомнить, что говорить дальше. Тогда профессор Спраут дала ему совет, который оказался подходящим на все сто.

— Займи руки, — сказала она. — Не просто рассказывай, а показывай. Дети и запомнят лучше, если ты не объяснять будешь, а демонстрировать. Возьми растение в руки и показывай: вот это лист, он перистосложный, смотрите. Если вы видите перистосложные листья у растений этой группы, значит, их можно использовать в косметических зельях. Как распознавать растения именно этой группы? Смотрим сюда... Пересаживать надо так, смотрите. Пощупайте землю, её влажность, насколько она мягкая. Вот такая годится. Понимаешь меня?

Невилл кивнул, попробовал — и на следующий же день ощутил, насколько легче ему стало. Он уже как будто бы не читал лекцию, а работал в теплице, просто кто-то зашёл и поинтересовался, что он делает. Удалось почувствовать себя не распятым под прицелом требовательных взглядов, а просто на любимой работе. Наверное, стоит и со Снейпом как-то так общаться, занять чем-то руки... Знать бы чем.

В любом случае, на время занятий он решительно выбросил Снейпа из головы, чтобы не портил день своей кислой физиономией. И изо всех сил пытался просто работать, а не размышлять, переводя взгляд с одного лица на другое: не этот ли парень — хозяин мешков? Не эта ли девочка?

Гадать на кофейной гуще он никогда не умел, и нечего засорять этой ерундой мысли.

Невиллу всегда казалось, что Снейп должен быть пунктуален, как секундная стрелка, и когда он не появился ровно в пять тридцать, в голову закралось подозрение: не случилось ли чего? Но ждать себя бывший профессор заставил недолго: появился в тридцать три минуты, никак не комментируя опоздание.

— Отлично, вы готовы, — сказал он, выходя из камина. — Я сейчас, с вашего позволения, немного подправлю вам костюм, и мы пойдём.

Разумеется, никакого позволения он не стал дожидаться, взмахнул палочкой, опровергая все слухи, ходившие, когда Невилл был маленьким, — дескать, Снейп плохо владеет палочковой магией, особенно трансфигурацией, и потому такой злой.

— Постарайтесь запомнить, как это выглядит, — бросил Снейп и развернулся к Невиллу спиной.

Тот заторопился за ним, потому что хорошо понимал: Снейп назовёт адрес и, не дожидаясь Невилла, переместится, куда там ему нужно.

Хотя, если говорить по правде, ему оно как раз без надобности. Что не делало его поведение хоть сколько-нибудь вежливым.

Адрес Снейп назвал свой. Решительно вышел из собственного камина, вытер ноги о коврик, сделал ещё несколько шагов, пропуская Невилла. На столике, придвинутом к дивану, стояли три грязные чашки, кофейник и молочник. Со вчерашнего утра не спал, говоришь?

— Вы хоть немного поспали?

-Что?.. А, да, немного поспал. — Снейп протянул ему руку. — Держитесь крепче, мы аппаратуем.

Невилл едва успел ухватиться за его руку, и аппаратура сдёрнула их обоих с места.

Как он и ожидал, они оказались не посреди людной улицы, а в тёмной подворотне с

изрисованными стенами. Судя по всему, подворотня была проходная, так что никто не удивился бы, что из неё вышли люди, которые туда не заходили. Снейп всё продумал.

Несносный зельевар — или как там называется то, чем он занимается сейчас? Наверное, уже неправильно думать о нём как о зельеваре? — зашагал вперёд, не оглядываясь на Невилла, и тот заторопился следом. «Полиция» — было красноречиво написано на здании, возле которого они наконец остановились.

— А они точно будут с нами говорить? — с сомнением спросил Невилл. — И как мы им...

— Не задавайте глупых вопросов, — перебил Снейп, — сейчас сами всё увидите.

Он решительно толкнул дверь и зашёл.

— Здравствуйте, — сказал дежурному и замолчал. Как будто бы все здесь должны были знать, кто он таков и что ему нужно.

— А, добрый день, — огненно-рыжий широкоплечий парень радостно ему улыбнулся. — Проходите, он у себя. Молодой человек с вами?

— Да, молодого человека хотел видеть офицер, я просто его привёл.

— О! Да, он говорил. Проходите, пожалуйста.

Невилл снова заторопился за Снейпом, чувствуя себя немного по-дурацки. Тот летел вперёд, явно был здесь не в первый раз и, скорее всего, даже не в пятый.

Догонять его, до смерти боясь потеряться в незнакомом здании, Невиллу совершенно не нравилось.

— Нев, привет, старик! — неожиданно раздался вопль на весь коридор.

Невилл вздрогнул и перевёл взгляд со Снейпа на открытую дверь чуть впереди и слева. В дверном проёме стоял Шеймус Финниган.

— Здравствуй, сэр. Нев, как же я рад тебя видеть наконец! Сколько мы не виделись, а? Года четыре уже? Или больше? Проходите скорее, чаю налью.

Очень хотелось раздражённо спросить: «Может быть, мне наконец расскажут, что здесь происходит?». Но он не стал. Похоже, боялся показать себя дураком. Глупый страх, конечно, но Невилл решил дать себе поблажку.

За дверью оказался кабинет, совсем маленький. Два рабочих стола, оба завалены хламом, наверное, важным для работы. Окно закрыто жалюзи.

— Итак, мистер Финниган, — Снейп пододвинул к себе один из стульев и уселся, как будто это был его собственный кабинет, — вы хотели, чтобы мистер Лонгботтом подтвердил, что я вас не обманываю и эти анализы не помогут Пожирателям прийти к власти в Британии. Вот, я привёл вашего гаранта, расспрашивайте.

Шеймус поморщился. Обычно к такой гримасе прилагалось ещё добродушное «Ай, не пизди!», но Снейпу он такое говорить всё же не стал.

— Вот горазды вы передёргивать, сэр. Это моя работа, я должен проверять всё.

— Я разве в претензии? — Снейп насмешливо приподнял бровь. — Я и сам на вашем месте не назвал бы себя благонадёжным. Просто давайте ближе к делу, мистер Лонгботтом должен возвращаться в Хогвартс, а у меня встреча с Маклахеном.

— Эй, эй, полегче, сэр, мы четыре года не виделись! Нев, вы хоть поженились уже с Ханной?

— Нет пока. Слушай, давай новости позже обсудим, я обещаю не пропадать ещё на четыре года.

«И ты расскажешь мне, какого чёрта делаешь в полиции. Ты же вроде собирался виверн разводиться».

— Ладно, старик. Растолкуй мне, что там у вас случилось, а то из третьих рук узнавать — не самое оно.

Невилл вздохнул и пересказал ситуацию как можно подробнее. Шеймус слушал внимательно, иногда кивал. Потом какое-то время сидел молча, переваривая услышанное. Может, сравнивал с тем, что ему рассказывал Снейп.

— Ваш напарник пишет с ошибками, мистер Финниган, — заметил Снейп.

— А вас не затруднит не читать документы, представляющие тайну следствия?

— Крайне затруднит, — признался Снейп. — Интересно же!

Невилл с опаской покосился на него. В глазах Снейпа плясали весёлые искорки. Кажется, он и правда шутил. Ничего себе.

— Мистер Снейп, — очень сурово сказал Шеймус, — я вынужден сделать вам замечание. Вы совершаете правонарушение и к тому же портите зрение, читая с такого расстояния и вверх ногами. Мой долг — предупредить вас о недопустимости подобных действий.

— Хорошо, офицер, вы меня предупредили. Теперь смею вам напомнить, что вы обещали нам с мистером Лонгботтомом, цитирую, «налить чаю».

— О, точно! — Шеймус подскочил, нажал кнопку на металлическом чайнике, стоявшем на подоконнике. — Сейчас налью, совсем из головы вылетело. А Бриггс да, пишет с ошибками, видите, у него словарь лежит, он важные слова сверяет. А то было уже разок, когда из-за неправильно написанного слова дело развалилось, он вместо «молоток» написал «кувалда», дурилка, потому что не помнил, как «молоток» пишется правильно.

— А где он сейчас? — спросил Невилл, сам до конца не понимая зачем.

— В поле, — отозвался Шеймус, потом посмотрел на непонимающее лицо Невилла и пояснил: — Ищет свидетелей по новому делу. Его до вечера не будет, можно спокойно разговаривать.

— Ну, вы, господа, можете до вечера разговаривать, а я спешу, — сказал Снейп и поставил чашку на стол Шеймуса. — Мистер Финниган, вы удовлетворены?

— Да, вполне, — разулыбался Шеймус.

— В таком случае, я могу получить интересующие меня бумаги?

— Эй, сэр, не дуйтесь на меня. У меня работа, вы же знаете.

— Я знаю, у меня тоже работа. Итак, бумаги?

Шеймус закатил глаза, но обошёл стол кругом, открыл тонкую папку и вложил в руку Снейпа несколько листков бумаги.

— Отлично, благодарю вас. Теперь я, с вашего позволения, пойду. Мистер Лонгботтом, зайдите ко мне завтра вечером, посидим, подумаем. Вы ведь сможете сами добраться обратно?

— Да, конечно, аппарирую в Хогсмид.

— Прекрасно, всего доброго.

Шеймус подождал, пока за Снейпом закрылась дверь, и хмыкнул.

— Он всегда такой. Как ребёнок, честное слово. Ах, мне не доверяют, ах, моего слова недостаточно. И понимает же всё, а всё равно надувается и ворчит. Смешной. Ладно, комета сия унеслась за горизонт, а мы можем нормально поговорить или ещё чаю выпить, а лучше то и другое. Так это, ты на свадьбу-то когда позовёшь?

— Мы думали летом... Следующим, скорее всего. У Ханны много дел в «Дырявом котле», она не успевает пока...

— Ну, ты главное меня позови, не забудь!

— Я не забуду, что ты. Я всех позову, — Невилл мечтательно улыбнулся. — А ты как? Есть кто-то на примете?

Шеймус улыбнулся чуть кривовато.

— Да есть, но я что-то никак не решусь вам рассказать. Тупо, я знаю. Мы оба знаем, что тупо, и оба молчим. В общем, я с Дином живу, вот. И мы, ну, уже год как женаты. Вот, сказал. Чувствую себя дебилем. Ну, скажи что-нибудь, чего ты молчишь-то?

— Сейчас, челюсть подберу, — пробормотал Невилл. — Прости, я правда немного... огорашен. Я никогда не думал... В смысле я думал, вы просто дружите...

— Эй, старик, в одиннадцать лет мы просто дружили, конечно! Но сейчас нам не одиннадцать, такие дела, да. В общем, если хочешь, заходи к нам, поболтаем на троих. У меня рабочий день-то на самом деле закончился, а если честно, я вообще сегодня выходной, так, зашёл на пару часов кое-что доделать... Ну и как обычно. Так что если... А,

ладно, я говорил уже.

— Конечно, хочу, ну чего ты. Мы же не виделись сколько, и с тобой, и с Дином. Вы нас даже не позвали никого на... ну... на свадьбу.

Шеймус отвёл глаза.

— Извини. Мы не знали, как вы отреагируете, не хотелось портить себе... и вам... Знаешь, мы от радости немного обалдели, когда однополые браки разрешили.

— А их разрешили? — тупо спросил Невилл.

— Год назад. Ну, мы через месяц после этого и... Ладно, я же должен тебе тоже дать это, ну, списки, — Шеймус развернулся, чуть нервно роясь в бумагах, — куда же я дел эту папку... А, вот она.

— Какие списки?

— Фармацевтов. Снейп просил, у нас же эта сфера на контроле, сам понимаешь. Снейп сказал, можно просто проанализировать, кто из учеников имеет отношение к производителям... Вот, держи, я приготовил два экземпляра. Думаю, это дело удастся раскрутить быстро. Вряд ли прятать мешки с этой пакостью согласится приятель соседа троюродного дядюшки грузчика компании.

Невилл посмотрел на него с сомнением.

— И полиция сможет официально расследовать дело, где упоминается школа чародейства и волшебства?

— Ай, зачем сразу чародейства и волшебства? Можно просто сказать: «школа Хогвартс, в которой обучается такой-то». О, кстати, ты молодец, что сказал: понадобятся фотографии мешков. Я сделаю, просто надо не забыть.

Невилл допил чай и решительно поднялся.

— Слушай, Шеймус, если ты закончил здесь, пошли к тебе, я по Дину тоже соскучился.

Шеймус просиял.

— А, да, пошли, конечно. Я только чашки помою, давай сюда.

Невилл понимал, что надо что-то сказать, но не представлял что. Мысль о том, что Шеймус и Дин — пара, действительно была непривычной и с трудом укладывалась в голове. Нет, он, конечно, знал, что так бывает... Где-то далеко, не с ним и его друзьями, но вообще — бывает. Такие необычные люди, не как все, но ведь Шеймус и Дин совершенно обычные. Или нет? Надо ли вести себя с ними как-то по-особенному, и если да, то как? Не обижает ли их, если с ними общаться как раньше?

Шеймус вышел из кабинета, обернулся, глядя, идёт ли за ним Невилл. Тот улыбнулся, кивнул и зашагал снова по запутанным коридорам — только уже с другим проводником.

Эта мысль, промелькнув в его голове, потянула за собой другую. «Можно же расспросить его о Снейпе», — подумалось, и эхом отозвался стыд: ну вот, тупой Лонгботтом, мог бы сразу догадаться. Он уже набрал воздуха, чтобы задать вопрос, но тут Шеймус заговорил, глядя прямо перед собой:

— Знаешь, когда я понял, что чувствую к Дину, мне стало страшно. Я слышал ещё до Хогвартса, как относятся к таким, как я, да что там слышал, у нас сосед такой был... Ну, не совсем сосед, в конце квартала жил. Дети ему камни в окна кидали, взрослые... в общем, всякое бывало. Я не хотел себе такого, знаешь, — он криво усмехнулся. — Но всё обошлось, назовём это так.

— А как тебе это удалось? — Невиллу и правда было интересно, он об этой стороне жизни не знал вообще ничего.

— Да не мне. Времена изменились. Я в Хогвартсе привык, что мы живём, как будто в прошлом, а мир, как оказалось, всё это время шёл вперёд. Вот, однополые браки разрешили. У меня на работе знают, у него тоже. Ай, Невилл, раньше меня бы могли уволить за то, что я с чёрным живу, точнее, если бы я жил с чёрной, а, неважно. Что я тебе буду объяснять, оно тебе не нужно. Суть в том, что у нас сейчас всё хорошо, хотя в

Ирландии с этим посложнее, чем в той же Англии. Но я уезжать не хочу, здесь мой дом, а кому я не нравлюсь, может идти к чёрту.

— А Дин? Ну, в смысле, он нормально переехал?

— Он да. Он вообще такой, знаешь, гражданин мира. Куда чемодан поставил, там и дом. А я не представляю себя без, — он сделал широкий жест рукой, — вот этого всего.

— Я тебе честно признаюсь, ты меня удивил. Даже не тем, что Дин... Просто понимаешь, я никак не ожидал встретить тебя в маггловском мире. Я думал, ты разводишь виверн, или работаешь у Флориана, или что там ещё ты хотел, я запомню... На архитектора выучиться, кажется? Строить волшебные дома, да, это же ты хотел, я ничего не путаю?

— Не путаешь. Я и хотел, просто... Чёрт, я не знаю, как тебе объяснить. Наверное, Дин справится лучше.

Они уже вышли на улицу и шли, сворачивая то налево, то направо; Невилл быстро перестал понимать, где они находятся, как далеко от полиции и в какую сторону. Шеймус вёл его уверенно, и он просто шёл следом.

— Ну если коротко, — Шеймус снова поморщился, — я просто не захотел навсегда оставаться «этим магглорожденным». Знаешь, Невилл, ты из чистокровной семьи, для тебя все эти разговоры, наверное, надуманные... Я вижу, как это происходит здесь, у нас. Магглов и геев уже нельзя считать вторым сортом, а про женщин говорить, что они бабы и не способны носить погоны, значит, этого, конечно, не происходит, что вы, как вы могли такое подумать! Мы демократическое общество, мы так долго боролись! И вам приснилось, что сержант О'Лири только что попросил свою коллегу, женщину, тоже сержанта, налить ему кофе и нарезать бутербродов, потому что она же женщина и как раз пошла делать это для себя. Нет-нет, вам привиделось, не могло быть такого. Так вот в магическом мире всё то же самое. Магглорожденные — такие же люди, как чистокровные волшебники, мы относимся к ним точно так же! Только Волдеморт и его приспешники делали иначе, но мы победили их! И теперь ничего такого нет, и не смейте спорить, вы что же, считаете нас приспешниками Волдеморта, что ли? Да вы просто пытаетесь добиться более высокой должности, обвиняя нас невесть в чём и не признавая свою некомпетентность! Ай, Нев, вот я даже на тебя сейчас смотрю, а у тебя прямо по лицу надпись идёт: «Что-то Шеймус гонит, не может быть такого». Вы не замечаете. Нам иногда кажется, что никто не замечает, только мы. Наверное, нам почудилось, ага. Мне просто почудилось, что начальник говорит со мной, как будто он не мой начальник, а Малфой: снисходительно, подробно объясняя, типа я дебил. От Малфоя оно хоть понятно, знаешь. Короче, я плюнул и решил не быть вторым сортом там, а быть обычным парнем здесь. И я тебе клянусь, если ты сейчас начнёшь доказывать, что мне всё это приснилось, я набью тебе лицо.

Невилл растерянно молчал. Что отвечать на слова Шеймуса, было совершенно непонятно: молчать значило признать, что он прав, спорить — злить его, он явно не готов был выслушивать аргументы. Они теперь шли рядом, и Невилл видел его лицо — лицо человека, которому не очень нравится этот разговор, но замолкать вроде бы уже поздно.

Такое и в детстве было: Шеймус мог в ответ на какой-то вроде бы невинный вопрос выдать эмоциональную тираду, ещё и руками размахивал, как-то даже заехал Невиллу по носу. Сам он называл это «бомбануло», и в общем Невилл с таким определением был согласен.

Как реагировать на такое, он не знал в детстве, не придумал и сейчас. Просто помалкивал и кивал в надежде, что со временем причина такой бурной реакции прояснится.

Шеймус хмыкнул.

— Я понимаю, что ты не веришь. Тебе не приходилось с этим сталкиваться никогда. Ты ведь в Хогвартсе работаешь, присмотришь, как люди между собой общаются.

Кстати, у вас много магглорожденных профессоров, а? — он хитро прищурился, покосившись на Невилла.

— Я не спрашивал их про статус, если честно. Но я выясню.

— Ай, да ладно, оно не так уж важно. В любом случае, сейчас я здесь, я доволен, мной довольны, всё нормально.

— А теперь не тяжело здесь?

— В каком смысле? — В глазах Шеймуса появилось озадаченное выражение.

— Ну, без магии. Тебе же получается, почти никогда нельзя колдовать, только дома.

— Ну, я же как-то пережил несколько лет без микроволновки. — Шеймус увидел непонимание в глазах Невилла и пояснил: — Безо всяких маггловских изобретений, очень полезных в жизни, между прочим. И писать перьями, когда всё человечество давно перешло на шариковые ручки, тоже было не очень удобно, но пережил же я это.

— То есть ты воспринимаешь это просто как очередное неудобство?

— Ну да. Я понимаю, у вас, чистокровных, магия — это своего рода идеология, смысл жизни и всё такое. А мы, магглорожденные, смотрим на жизнь попроще. Вот, мы пришли.

Ряд аккуратных двухэтажных домиков, перед которыми довольно кучно стояли автомобили, совсем не походил на ту улицу, где жил Снейп. Шеймус с Дином обитали в месте, ещё больше напичканном магглами, чем Невилл мог себе представить.

— Вам тут не слишком... людно? — не удержался он от вопроса.

— Да не, в самый раз. Мы любим, чтобы вокруг было шумно. И по работе полезнее нам обоим.

— Он тоже в полиции?

— Не, он не любит такое. Адвокатом будет. Пока помощник адвоката. М-м, я непонятное говорю, да?

— У волшебников тоже есть адвокаты, — сдержанно ответил Невилл. За магический мир стало обидно: за кого Шеймус их принимает вообще? Они не дикие! Консервативные — да, но не дикие.

— А, ну хорошо, — равнодушно отозвался Шеймус, заходя в дом.

Первый этаж коричневый, второй — светло-бежевый. Белые рамы окон. Белая дверь. Дома вроде бы и одинаковые, да не совсем: у одного стоят два велосипеда, другой украшен ящичками с цветами, на третьем висит что-то синее, но что именно, Невилл не смог разглядеть. Послушно зашёл следом за Шеймусом, рефлекторно вытер ноги у порога. На коврике было написано что-то непонятное, наверное, на ирландском языке, которого Невилл совсем не знал.

Когда Невилл огляделся, первой его мыслью было: да, так и долже выглядеть дом этих двоих. Хаос разноцветных пятен, всё яркое, пёстрое, весёлое. Шторы на окнах — вертикальные полосы разных цветов. Обои — кусками, словно бы начали клеить один рулон, передумали, продолжили другой, закончили третьим. Диван, расписанный яркими геометричными узорами, на нём валяются такие же яркие подушки, скомканный плед и какие-то журналы. На стене книжная полка, книги подбирались, похоже, по одному принципу: чтобы корешок следующей был того цвета, которого на полке ещё нет.

— Дин, ты дома? — крикнул Шеймус. — У нас гости!

Где-то в глубине дома что-то звякнуло, стукнуло, и раздался голос Дина:

— Дома! Иду!

Он появился не из двери — ярко-оранжевой, на уровне глаз наклеено изображение весёлого медведя, распахнувшего объятия, — а из-за шторы, Невилл думал, там окно, а оказалось, странная штора вела в глубь дома. Яркие, блестящие нити свисали сверху, располагаясь так густо, что нельзя было понять, что за ними находится. Дин прошёл прямо сквозь эти нити, они было попытались улечься ему на голову и плечи, но потом опали и так и качались, будто пританцовывали в такт его шагам.

— О, Невилл! Привет, рад тебя видеть.

Дин был в серых брюках и белой рубашке с закатанными рукавами, поверх всего этого — большой чёрный фартук, разрисованный разноцветными кругами. Придирчиво осмотрев собственную ладонь, Дин протянул её Невиллу.

— У тебя на носу кетчуп, — заметил Шеймус.

— Руки чистые, — убеждённо заявил Дин.

Пожимая ему руку, Невилл чувствовал, как сама собой на лице появляется улыбка. Смотреть на этого парня и не улыбаться было невозможно. Он был словно до краёв наполнен энергией, весельем и уверенностью в себе и собственном будущем. Даже если сегодня плохой день, завтра всё обязательно будет хорошо. Даже если вся неделя состоит из плохих дней, это непременно закончится и жизнь станет такой, какой и должна, быть, то есть прекрасной.

— Ну, Невилл, — довольно сообщил Дин, — теперь не отвертись.

— От чего? — со смехом спросил Невилл.

— От нас, от чего же ещё! А то, понимаешь, все заняты, никому не до того, чтобы собраться и поболтать, что за безобразие? Ты ведь наверняка с Шеймусом встретился по делу, вот зуб даю!

— По делу, — покаянно признался Невилл.

— Ну ничего, Шеймус молодец, он тебя хватъ за хвост — и притащил. Всё, теперь не вырвешься! Пошли, накормлю, у меня уже всё готово.

— Ты на работу-то ходил сегодня? — спросил Шеймус.

— Нет. Агата позвонила, как ты ушёл, сказала: сиди дома сегодня, я в бестолковых разъездах, отдохни, дело почитай. Ну, я почитал, набросал кое-какие заметки, пока мясо мариновалось. Завтра приду к ней с идеями. Невилл, рассказывай, как там твои детишечки?

Дин улыбался, расспрашивал, кивал, и Невилл чувствовал, как расслабляется. Уходили страхи, мысли о том, что он, может быть, неправильно себя ведёт. Просто давние друзья, не видевшиеся несколько лет, общались, рассказывали друг другу каждый свои новости, делились чем попало, радуясь, что наконец встретились. Всё было невероятно правильно, и никакие злые или тревожные мысли не портили настроение.

Наверное, это было не очень хорошо — забывать о тех проблемах, из-за которых Невилл пришёл к Шеймусу, хотя и знать не знал тогда, к кому именно идёт. Но об этом он задумался только тогда, когда они не только доели, но и допили чай с печеньем.

— Чего грустишь? — спросил Шеймус, придвигаясь к нему на диване.

— Да подумалось опять об этих мешках, о том, как это всё... мерзко, знаешь. Люди нуждаются в лекарствах, к тому же магглы, они не могут получить помощь иначе, кроме как от лекарств, а им впаривают какую-то некачественную ерунду, а то и вовсе толчёный мел...

Шеймус пожал плечами. Невилл понимал: он сталкивается с преступниками каждый день, ему не привыкать.

— Видишь ли, Нев, лекарства — это бешеное бабло. Там столько нулей, что многим уже всё равно, скольким это будет стоить жизни. И потом, справедливости ради, они же постоянно крутятся там, в мире больных людей, они видят тысячи, сотни тысяч смертей тех, кого не удалось вылечить. К этому привыкаешь, Нев, и смерть перестаёт казаться чем-то ужасным.

— Ты тоже к этому так относишься, да?

— К чему? — не понял Шеймус.

— К смерти. Ты же нередко видишь убийства, верно? Говорят, магглы часто убивают.

— А. Ну да. Смерть — это просто смерть. Был человек — и нет его. Нет, ты пойми правильно, мне не всё равно. Это преступление, моя работа — найти виновного, если в моих силах не допустить убийства, я это делаю. Но я не отношусь к смерти с таким

пиететом, как волшебники.

Невилл чуть не спросил: «Почему ты говоришь так, будто ты сам не волшебник?», но успел подумать, что это неправильный вопрос. Шеймус, конечно, волшебник, но сейчас он живёт с магглами, а значит, волшебники для него — «они». Пожалуй, это справедливо.

Пока он раздумывал над следующей репликой, Шеймус вдруг хитро усмехнулся и спросил:

— Снейп очень бесился, когда ты на него вышел?

— Снейп? — растерянно переспросил Невилл. Он уже отвык от привычки Шеймуса внезапно менять тему.

— О, Снейп! — Дин закатил глаза. — Он всегда такой, стереотипная реакция: «О, нет, какой ужас, кто дал вам мой адрес, как я ненавижу всех людей. Да, кстати, какого чаю вам налить?».

— Он мне не говорил ничего подобного.

— А он никогда не говорит. Он это всем телом делает, ты не мог не заметить.

Дин с Шеймусом рассмеялись, и Невилл обратил внимание, как синхронно это у них вышло. В самом деле пара, с какой стороны ни посмотри. Короткие переглядки, которых достаточно для взаимопонимания, движения, согласованные с движениями партнёра, — стол небольшой, а за всё время их руки ни разу не столкнулись, кроме случаев, когда это было явно намеренно. Забавно было такое замечать — и заодно думать: «А мы с Ханной тоже так выгядим со стороны?».

— Если честно, по поводу Снейпа я до сих пор не знаю, что думать. Все уверены, что он давно помер... Точнее, это я уверен, что все уверены, что он давно помер, а оказывается, что к нему половина магической Британии за услугами бежит. Это похоже на какой-то бред.

Теперь они смеялись втроём. Было тепло и уютно, почти как в гриффиндорской спальне лет десять назад, только лучше.

— И уж чего я точно никак не могу понять, — сказал Невилл, отсмеявшись, — так это что он делает в Ирландии.

— И почему по всей округе до сих пор не скисло молоко от его кислой рожи, да? — понимающе кивнул Дин.

— Это я виноват, — поморщился Шеймус. — Как-то даже неловко признаваться, но дом ему подыскал я. Он не хотел селиться здесь, в Белфасте, а на окраину согласился.

— Да как он сюда попал вообще?

— Ой, это длинная и запутанная история. Полностью я её не знаю. Мне только известно, что он сильно помог одному парню из «Шинн Фейн», и тот ему отплатил. Вообще говоря, выходит так, что его сюда пригласили и обещали безопасность.

— Ты же объясняй толком, он в своём Хогвартсе не знает ничего, — вмешался Дин. — «Шинн Фейн» — это здешние плохие парни, они хотят независимости Ирландии и пытаются втолковать это англичанам всеми доступными средствами, не ограничиваясь разрешёнными. Проще говоря, считают, что если долго убивать англичан, они отсюда уберутся наконец. Ну, то есть они рассказывают, что нет, мы против насилия, вы что. Просто все всё понимают. Но Снейп им понравился, даром что он чистокровный англичанин.

— Не представляю, как он может кому-то нравиться, эти ребята — извращенцы какие-то, — пожал плечами Шеймус. — Или их сильно припёрло.

— Ну почему же, он не в первый раз нравится плохим парням, — возразил Дин. — Насколько я помню, в Пожиратели его тоже позвали, а не он попросился.

— Да кто ж тебе сейчас правду расскажет? В общем, согласно официальной версии, ничего незаконного он не делал — сейчас, я имею в виду, — просто подобрал раненого боевика, понятия не имея, кто он такой, и вылечил. Зная Снейпа, я готов спорить, что бедный парень поправлялся так быстро, как только мог, лишь бы поскорее от

него избавиться. А «Шинн Фейн», засранцы этикие, решили, что этот способ им подходит, и теперь ходят вокруг Снейпа с умильными рожами, заманивают. Он вроде не поддаётся. Что он там на самом деле думает, я не знаю, но по моей информации, он им сказал, что навоевался и хочет покоя и чаю с травами. Они, конечно, поверили, аж три раза, тем более что живёт Снейп именно так, как живут те, кто мечтает о покое, ага. Вечно болтается в эпицентре бури и суёт свой длинный нос куда попало.

— Я о нём слышал, как о человеке со связями, — задумчиво произнёс Невилл. — Интересно, где он их берёт?

— Так я же говорю, он лезет всюду, — ответил Шеймус. — Помог кому-то — вот тебе и связи. Мне иногда кажется, что это его естественное состояние — заводить знакомства. Когда он был деканом Слизерина, половина магической Британии была у него в кармане: кого-то учит сейчас, кого-то учил или будет учить. А завязывать отношения он умеет, правда, я никак не пойму, как он это делает, потому как любезности в нём меньше, чем во мне — крови австралийских аборигенов. Но факт налицо: вон, ко мне заявился с таким видом, как будто я ему эту экспертизу должен с прошлого Рождества. И что я? Попёрся делать экспертизу, как миленький. Удивительный тип этот Снейп.

Невилл бросил взгляд на часы, висевшие на стене, — на циферблате был нарисован сонный кот, а стрелки были его усами — и с сожалением сказал:

— Парни, мне пора. Времени уже осталось только над твоими, Шеймус, бумажками посидеть, иначе не выплущу, у меня завтра занятия с самого утра.

— Невилл! — строго сказал Дин, поднимаясь. — Если ты снова пропадёшь на четыре года, я на тебя обижусь, так и знай. Мог бы хоть раз в пару месяцев в гости заходить!

— Клятвенно обещаю! — Невилл торжественно поднял правую руку. — Положим, в третий четверг каждого месяца после шести вечера я у вас, идёт?

— Идёт, — хором сказали Дин и Шеймус.

— Вот и отлично, значит, договорились. Спасибо за отличный вечер, парни. Вашим камином же можно воспользоваться?

— Какие вопросы, старик! — Шеймус ловко собрал чашки на поднос. — А что, в Хогвартсе каминны разблокировали? Раньше их вроде бы специально открывать приходилось.

— Я заранее открыл, на случай, если смогу не пешком из Хогсмида топать.

Они обнялись, и Невилл наконец отправился домой. Он привык так говорить — «домой», хотя на самом деле, конечно, было бы правильней называть так их с бабушкой дом или, на худой конец, «Дырявый котёл». Но такова сила привычки: домом очень быстро привыкаешь называть то место, где изо дня в день ложишься спать. Интересно, заключённые в Азкабана тоже говорят «Я пошёл домой», возвращаясь с прогулки в камеру?..

Невилл мотнул головой, отгоняя дурацкие мысли. Надо было сесть и почитать бумаги, Снейп-то уже наверняка изучил их и, может быть, даже пришёл к каким-то выводам, которыми непременно будет третировать Невилла при встрече.

А может, всё намного проще. Может, он сейчас прочтёт эти списки, или что там ему передал Шеймус, и сразу поймёт, кто спрятал в Хогвартсе пресловутые мешки. Ну может же ответ на важный вопрос хоть раз в жизни оказаться простым и понятным?

У дверей комнаты Невилла сидела Клементина. Он мог бы и не заметить этого, ведь камин находился от дверей довольно далеко, но девочка тихонько напевала себе под нос одну из песен Шляпы, и Невилл довольно быстро услышал звуки.

— Мисс Макалистер? Вы давно ждёте?

— Да, — призналась она, подняв на него усталый взгляд. — Простите, что беспокою, но я просто хотела спросить, не узнали ли вы что-нибудь.

У неё были очень взрослые глаза. Невиллу вдруг вспомнилась Сьюзи Боунс в тот день, когда она сказала ему, что её тётку Амелию убили. Она смотрела так же. И пусть

смерть единственной родственницы и смерть крысы вроде бы несравнимы, и то, и другое — потеря, которой не должно было случиться. И то, и другое произошло несправедливо и не было случайностью.

Убийца Амелии Боунс наказан. Удастся ли наказать убийцу маленькой крысы по кличке Обжора?

— Пока ничего не узнал, мисс Макалистер. Но я работаю над этим.

— Вас поэтому не было, да?

В голове девочки — надежда, что профессор не по своим делам бегал, отлынивая от работы, а искал преступника. Невилл кивнул:

— Конечно. Я обещаю, как только что-нибудь выясню, расскажу вам. Мы найдём виновника, мисс Макалистер. Или виновников.

Клементина ушла, а Невилл решительно уселся за стол и достал пресловутые бумаги.

Шеймус Финниган был любителем поболтать. Когда же речь заходила о том, чтобы что-нибудь написать, его многословность вмиг куда-то девалась. Самой большой проблемой Шеймуса во время учёбы было дотянуть до требуемого размера домашнего задания, потому что как только он брался за перо, в нём просыпался бог лаконичности. Так и здесь: весь список уместился на два листа бумаги, ещё на пяти были результаты экспертизы (Невилл понял примерно каждое пятое слово). Список был составлен просто: название фармацевтической компании, местность, где расположены её заводы или как это правильно называется у магглов, и имена. Кто были эти люди — владельцы, мажоритарные акционеры, члены советов директоров, — Невилл не знал, но раз Шеймус вписал их в этот список, значит, именно они были главными получателями выгоды от продажи лекарств. Кое-где ещё имелось примечание: последняя проверка тогда-то; расследуется три уголовных дела; готовится проверка по подозрению в недобросовестности...

Невилл внимательно читал имена и понимал, что здесь, за столом, никакие результаты не высидит. Количество Смитов, Браунов и прочих Джонсов в этом списке было весьма немалым. Имелся даже один Поттер, а также трое Макалистеров и внезапно Спраут.

Но если ничего не делать, ничего и не сделается. Так что Невилл взял перо и стал мужественно составлять свой собственный список.

В голову лезло всякое. «Лоуренс Питер и жена его Лоуренс Ева» — в Хаффлпаффе учится милейшее создание, Майкл Лоуренс, круглолицый мальчик с ангельским взглядом синих глаз. Хорошо учится, старательный, вежливый, скромный. Может ли он быть тем человеком, кто притащил в Хогвартс несколько мешков отравы и даже не удосужился хорошенько её спрятать? Или вот, некто Грэм Пенкрофт. Не связан ли он с сестрёнками Пенкрофт, очаровательными девочками, само появление которых вызывает улыбку на лицах преподавателей?

Невилл любил всех детей, которых учил: старательных и ленивых, умных и глупых, вежливых и барахтающихся в водовороте подросткового бунта. Но ведь кто-то из них — хозяин этих мешков, кто-то из них знает, что прячет. Кто-то виноват в смерти Обжоры. Как заподозрить их? Как не отметить каждую кандидатуру со словами: «Нет, нет, этот ребёнок не мог»?

Наконец, Невилл взял получившийся список и, вздохнув, отправился к Макгонагалл.

— Госпожа директор, — окликнул он Минерву, которая была так погружена в чтение какого-то длинного пергамента, что не заметила, как он вошёл.

— А, Невилл, это ты. Проходи. — Минерва сняла очки, протёрла стёкла. — Представляешь, министерство пытается доказать мне, что не должно решать «внутреннюю проблему Хогвартса», каково? Нет, я добьюсь, конечно, но теперь мне стали намного понятнее причины, по которым Альбус порою вёл себя, как мне казалось,

странно. Воистину, проще всё сделать самому, чем ждать помощи от кого бы то ни было. Что ты хотел, дорогой?

— Мне нужна Книга, мэ. Поискать там кое-что.

— Книга?.. — Минерва с сомнением смотрела на Невилла, словно колебалась: расспросить его, зачем ему понадобилось то, что испокон веков было в свободном доступе лишь для директора, или не обижать сомнениями в его добропорядочности.

— Я пытаюсь узнать, кто может быть хозяином мешков, мэ. У меня есть список владельцев предприятий, на которых производятся те вещества, что в мешках, и я хочу понять, не является ли кто-нибудь из них родителем наших студентов, например.

— Похоже, ты знаешь об этом деле больше, чем я, Невилл.

— Возможно, мэ. Уже поздно, вы уверены, что хотите, чтобы я рассказал вам всё прямо сейчас?

Минерва подавила зевок.

— Ладно, обсудим это завтра. Идём, я открою тебе Книгу.

«Она устала, — подумал Невилл. — Очень устала, иначе не отложила бы этот разговор. Минерва не любит нарушать правила». Во рту внезапно стало горько, и на миг ему почудилось, что рядом сидит Снейп, скептически подняв бровь. Да, пожалуй, следовало признать: правила Минерва Макгонагалл нарушала легко, как любая гриффиндорка. Но при одном, истинно гриффиндорском, условии: ей была чётко видна цель этого нарушения. В противном случае она чувствовала себя неуютно.

— Постарайся не засиживаться долго, Невилл, уже поздно, — сказала она, раскрыв Книгу и положив рядом с ней большой ключ. — И когда будешь уходить, запри, пожалуйста, дверь.

— Непременно, мэ. Я не сделаю ничего дурного, уверяю вас.

— Я знаю, что у тебя не может быть дурных помыслов, Невилл, — кивнула Минерва и вышла.

Слова «но ты можешь натворить глупостей ненарочно» повисли в воздухе.

Что ж, в конце концов, она имеет право так думать о нём. И Снейп имеет право. И, наверное, все остальные. Они немало имели дело с недотёпой Лонгботтомом, который ни разу не планировал взорвать котёл, а просто делал это. Не с чего обижаться, решительно не с чего.

Обида привычно растворилась в правильных мыслях, и Невилл погрузился в чтение.

— Вы пунктуальны, — сказал Снейп, когда Невилл вышел из его камина. — Вытирайте ноги, я только что вымыл пол.

Невилл автоматически вытер ноги о коврик, хотя, конечно, сделал бы это и без напоминания. Но Снейп не был бы Снейпом, если бы не предположил, что Лонгботтом мечтает испачкать его драгоценный свежевывымытый пол.

— Добрый вечер, сэ. Я принёс чай, который вы, по слухам, любите.

— А откуда слухи? — Снейп выглядел заинтересованным.

Сегодня он был на удивление не в чёрном, а в сером, и выражение лица не такое недовольное, как обычно. Хорошие новости?

— Госпожа директор сказала. Если с тех пор ваши вкусы не изменились, конечно.

— Изменились, но незначительно. Проходите, не стойте. У нас не очень много времени на пустую болтовню, давайте покончим с ней поскорее.

— Вообще говоря, нам вовсе необязательно вести светские беседы, сэ. О, это ваша кухня? Похоже на лабораторию.

— К вашему сведению, в кухне и должно быть чисто и много оборудования. Давайте ваш чай, я поставлю его завариваться.

Снейп ловко орудовал в кухне: открывал и закрывал какие-то дверцы, за которыми скрывались вовсе не шкафчики, а таинственные маггловские устройства, нажимал на

кнопки, поворачивал ручки, порой на ощупь. За спиной у Невилла что-то запищало, заставив его подпрыгнуть.

— Как вы со всем этим управляетесь? — не сдержался он.

— Дело привычки. Сначала было трудно, конечно же. Я ведь только в раннем детстве жил среди магглов, а тогда всего этого, — он обвёл кухню широким жестом, — не было. Пришлось осваивать. — Внезапно Снейп рассмеялся — удивительно весело, и не скажешь, что не смешливый человек. — Видели бы вы, как я воевал с посудомоечной машиной! Признаться, порой она меня побеждала.

— Побеждала? Это как?

— Ну, открывалась в неурочный момент, обливала водой с моющим средством, била неправильно установленные тарелки... На самом деле, конечно, это не она безобразничала, а я неправильно её использовал. А тот потоп, который мне устроила стиралка! Я его, наверное, до конца жизни не забуду. Сначала я попытался убрать воду магией, так она пустила сноп искр прямо в лужу, представляете? А, кому я объясняю, вы же не знаете, что такое хороший удар электрическим током. В общем, мне пришлось несколько вёдер воды вычёрпывать при помощи тряпки, весьма сомнительное удовольствие.

— И тем не менее, вы не вернулись в магический мир, а предпочли весь этот тернистый путь к жизни истинного маггла.

— Именно так. Вы знаете, мистер Лонгботтом — я ведь могу обращаться к вам так вне стен Хогвартса, не так ли? — мне ужасно надоело быть всем должным. Дамблдору, Поттеру, магическому миру, который, так и быть, согласился меня, такого неполноценного, принять...

— Но разве в маггловском мире вы не ощущали себя неполноценным?

Снейп ответил не сразу. Его глаза чуть затуманились — похоже, он перебил в голове воспоминания.

— Немного не так. На меня, конечно, смотрели как на ненормального. Я ходил по самому обычному супермаркету с таким видом, с каким магглы ходят по музею чего-нибудь настолько древнего, что они об этом и не слышали никогда. Ой, а это что? А для чего оно? Его едят, им моют посуду или чистят одежду? А почему кухонное полотенце такой странной формы? А что открывают этими открывашками? Или это не открывашки вовсе? В общем, тысяча вопросов. Но магглы устроены немного не так, как волшебники. Их очень много, понимаете? Они к этому привыкли. Это нормально, если посреди магазина внезапно попадётся псих. Если он не буйный, ему надо помочь, если буйный — вызвать полицию. А ещё бывают иностранцы, только вчера приехавшие в страну и плохо знающие язык, тоже вполне нормальное явление. Не скажу, что их прямо все любят, но многие относятся вполне спокойно. И кроме того, когда привыкаете и учитесь себя вести, на вас перестают смотреть косо. Вливаетесь в общество и становитесь его частью, и никто не попрекает вас не тем происхождением.

Невилл вздохнул.

— Никак не могу представить себе, чтобы вас кто-то им попрекал.

— Вы многого не можете представить, это не аргумент. Например, вряд ли вы способны вообразить себе свою почтенную бабушку в возрасте шести месяцев, засовывающую в рот погремушку и пачкающую пелёнки. И тем не менее, она это, вне всякого сомнения, делала. Итак, мистер Лонгботтом, чай заварился, пицца разогрелась. Простите, у меня сегодня катастрофически не было времени на нормальную готовку, так что перекусим пиццей и выпьем чаю с круассанами из магазина.

«Вот можно подумать, раньше он меня обедом из трёх блюд угощал», — подумал Невилл, но вслух ничего не сказал. Пицца так пицца, круассаны так круассаны.

— Итак, — сказал Снейп, когда они уселись наконец вокруг стола, — я изучил документы, которые мне дал мистер Финниган, и вынужден признаться, что всё это мне совсем не понравилось.

Невилл кивнул.

— Да уж чему здесь нравиться.

В глазах Снейпа промелькнул слабый интерес.

— О, вы тоже пришли к каким-то, — он неопределённо пошевелил пальцами, — выводам?

— Да, несомненно.

Невилл сам не знал, почему не стал ничего рассказывать, а произнеся эти слова, умолк и неспешно принялся за пищу. Вообще говоря, это было чистое ребячество. Бабушка бы не одобрила.

Но он, по счастью, уже был в том возрасте, когда по этому поводу не испытываешь даже особого сожаления.

— А вы неплохо выросли, профессор Лонгботтом, — вдруг сказал Снейп. — Да, определённо неплохо. Хотел бы я, чтобы все так вырастали.

— Возможно, несколько больше тактичности по отношению к студентам могло бы помочь вашей мечте исполниться, сэр.

Было невероятно легко. Говорить сейчас со Снейпом, помня, что это он, Невилл, — профессор, а Снейп — просто осколок прошлого, старик из тех времён, когда... Эй, какой старик? Осторожнее, Невилл, этот «дедушка» с огромным удовольствием откусит тебе голову, как только ты зазеваешься.

— Пицца отличная, — одобрительно сказал он и откусил ещё кусок.

Снейп побарабанил пальцами по столешнице, потом нехотя сказал:

— Мне список дал четыре имени людей, совершенно точно связанных с магическим миром.

Невилл кивнул, проглотил пережёванное и с интересом спросил:

— И как? Кто, по-вашему?

— Я бы поставил на Роджерса, — не очень уверенно ответил Снейп. — Его отец и старший брат в довольно тяжёлом положении... Я имею в виду не только финансово, их могут и посадить.

Невилл решительно замотал головой.

— Именно поэтому не он.

Брови Снейпа взлетели вверх.

— Вот как? Мне крайне интересны ваши аргументы, дорогой профессор.

Уязвлен. Очень хорошо. Знай наших, длинноносый!

— Видите ли, как ни парадоксально это звучит, — Невилл отложил недоеденный кусок пиццы на тарелку, — ему слишком надо. Погодите, вы сейчас меня поймёте. Представьте себе мальчика, которому пятнадцать лет. Его отец и брат — на грани разорения и тюрьмы. Он не просто растерян или подавлен, он в отчаянии. Мечется по Хогвартсу, а в голове бьётся лишь одна мысль: как их спасти? Ведь магия должна знать какой-нибудь способ, она же всесильна! Мне необходим выход, прямо здесь и сейчас.

Снейп кивнул. На его лице отобразилось понимание.

— Вы именно так нашли Выручай-комнату в своё время, да?

— Именно. И если бы он тоже отыскал заветную дверь, мы никогда не узнали бы об этом: Выручай-комната надёжно хранит свои тайны.

— Но?

— Но Мордехай Роджерс — очень неуверенный в себе мальчик. Он не мог найти Выручай-комнату. Не смог, точнее, могут-то все.

— Вам это не помешало.

— Мне не на кого было положиться. Я был совсем один, сэр. Мне не к кому было тогда прибежать за советом и помощью. А у Роджерса, значит, кто-то был. И я знаю кто. Я его учу, поэтому мне известно то, что не может быть известно вам.

— Ну рассказывайте же, не томите!

— У Мордехая Роджерса есть друг, Квентин Аберкромби. Уверенный в себе,

весьма неглупый мальчик, которому льстит, что Мордехай смотрит на него снизу вверх. Он не стал ничего объяснять, просто сказал: дай мне, я спрячу. Для него это было просто ещё одним драгоценным камнем в собственную корону, но нельзя сказать, чтобы он был так уж кровно в этом заинтересован. Не до того, чтобы ему открылась та дверь.

— Вы предполагаете или знаете точно?

Снейп раздражённо размешивал чай. Так неприятно, что кто-то кроме него способен что-то понять? Хотел блеснуть собственными талантами, но не вышло? Да ладно, глупость какая, это же Снейп, зачем приписывать ему ребяческие мотивы, он не третьекурсник. Правду говорила Ба: проработав несколько лет преподавателем, во всех людях начинаешь видеть детей.

— Я знаю точно. Я спросил его, правда ли он думал, что мы никогда не заходим в закрытые кабинеты. Через несколько минут его встретила у запертого — теперь запертого! — кабинета директор Макгонагалл. Он, конечно, пытается свалить всё на Роджерса, дескать, сам он понятия не имел, что в тех мешках. Но это неправда. Мордехай рассказал ему всё, совсем всё. Он был в отчаянии, не меньше, чем помощь, ему нужна была поддержка. Сэр, я вот чего не понимаю: что теперь будет? В списке запрещённых веществ маггловских лекарств нет, значит, Роджерсу можно было их провозить, а Аберкромби прятать...

— Яды, — быстро ответил Снейп. — Это не лекарства, они произведены с нарушением технологии. В том виде, в котором они есть, и в тех количествах их скорее правильно назвать мешками, полными отравы. Провозить яды помимо тех, что в чётко оговоренных количествах указаны в списках ингредиентов, в Хогвартс нельзя. Кроме того, перед перевозкой к ним наверняка применяли заклинание уменьшения, это запрещено, Мордехай Роджерс несовершеннолетний. Ну и, конечно, преступная небрежность при оставлении ядовитых веществ в незапертом кабинете. А если бы кто-нибудь из магглорожденных решил, что это наркотики, и решил бы понюхать или покурить?

Невилл вздохнул. Мордехая ему всё же было немного жаль, и если ему сломают палочку за колдовство на каникулах... Впрочем, это надо было обсуждать не со Снейпом, а с Макгонагалл.

— Что ж, вы очень неплохо раскрутили это дело, — признал Снейп. — Думаю, из нас с вами могла бы даже получиться не самая плохая команда, если бы вам вдруг взбрело в голову оставить преподавание.

— Вообще-то я вполне мог бы навещать вас иногда после занятий, — сам не зная зачем возразил Невилл. — Это неплохая разминка для мозгов, совсем другой вид работы.

— Почту за честь, — кисло улыбнулся Снейп.

Впрочем, нет. Это Невиллу его улыбка по привычке показалась кислой. Кажется, Снейп на самом деле пытался казаться милым и дружелюбным. Неужели ему здесь скучно одному?

Что за ерунда. Он не один. И вряд ли с его жизнью можно соскучиться.

Зачем же ему Невилл Лонгботтом, интересно? Неужели действительно...

Нет, этого не может быть. Не может и всё. Снейп не может признать, что он действительно на что-то способен. Да он бы скорее Шеймусу предложить вместе преступления раскрывать.

Хм. И что бы сказал Шеймус? «Я польщён, бро, но у меня есть напарник, и его физиономия мне милее твоей», вот что. Или, ещё того лучше: «Я предпочёл бы каждую свободную минуту проводить с Дином».

Интересно, у Снейпа здесь друзья-то есть? Могут ли вообще быть друзья у такого мрачного, замкнутого, ехидного типа, не способного не подколоть собеседника, если существует хоть малейшая возможность это сделать?

Нет, Невилл, ты куда-то не туда забрёл в своих рассуждениях. Если Снейпу и нужен друг, то это точно не ты. Кто угодно другой, только не Невилл Лонгботтом, растяпа

из растяп и гроза кабинета зельеварения.

— Боюсь только, нам редко удастся так вот мирно посидеть, — продолжал тем временем Снейп. — Я обычно ношусь как угорелый по Британии, заглядываю в дымоходы, как заправский Отец Рождество, обнюхиваю газоны перед домами и роюсь в мусорниках. А, да, ещё незаконно обыскиваю чужое жильё в отсутствие хозяев.

Невиллу живо представилось, как они со Снейпом вдвоём, как заправские грабители, обшаривают тёмную квартиру, быстро и ловко, пока не находят где-нибудь доказательства чего-нибудь этакого... Странно, но возникшая в голове картинка вовсе не показалась ему отвратительной.

Да, пожалуй, иногда можно.

Раз уж сам Снейп этого хочет, хотя, видит Мерлин, это одно из самых странных желаний, которые когда-либо были произнесены вслух.

В конце концов, что Невилл знает о нём и о том, какие друзья ему нужны? Ну, или приятели, или коллеги, или как там это называется несносных типов наподобие него.

— Кстати, какие у вас планы на сегодняшний вечер? — поинтересовался Снейп. — А то я собрался к одной вашей знакомой, мисс Боунс...

— Сьюз?! — изумился Невилл. — А она-то что... Погодите, она что, тоже...

— Да, представьте себе, она тоже. Бедная сиротка, — Снейп кривлялся, явно передразнивая кого-то, — сначала осталась без родителей, потом — без единственной родственницы, взгляните на неё, она, наверное, самое несчастное существо во всей магической Британии.

— Ох, — только и смог выдавить Невилл. Он мог представить, как омерзительно было Сьюзи Боунс слушать подобное в свой адрес. Она всегда была гордячкой, любившей романтику, но ненавидевшей сюсюканье.

— Её мать была магглорожденной, в маггловском мире остались родственники. У неё сейчас фермерское хозяйство в Йоркшире. Она иногда консультирует меня по всяким сельскохозяйственным вопросам... Поедете со мной?

— Почему бы нет, — Невилл торопливо запихнул в рот остатки пиццы, прожевал, запил чаем. — И всё же я не понимаю, почему они так... легко уезжают?

Снейп пожал плечами.

— Для вас, чистокровных, магический мир — всё, что вы знаете, а ваше умение колдовать — вроде религии. Когда же неплохо ориентируешься в двух мирах, имеешь неплохую возможность выбрать, какой из них лучше.

— Но почему не магический? Почему?

Снейп раздражённо поморщился.

— Потому что никому не хочется быть Золушкой на балу. Потому что это вы, чистокровные, среди волшебников у себя дома. А мы, магглорожденные и полукровки, каждый раз словно бы приходим в гости. Заходим к вам со двора, с чёрного хода, как прислуга. Надоедает, знаете ли.

Невилл нахмурился. Он попытался представить себе то, о чём говорил Снейп: что магический мир — это нечто вроде королевского дворца, где дают бал, но ты можешь зайти только с чёрного хода, тайком пробираясь по коридорам, не чувствуя себя вправе быть среди остальных... Неужели и сейчас магглорожденные чувствуют себя в магическом мире так же? Неужели до сих пор вход в мир волшебников для них — со двора, как для прислуги?

А ведь в доме Снейпа нет парадного входа, подумалось вдруг ему. Не маленькая ли месть это — заставить волшебников входить к нему со двора, прося о помощи?

Он покачал головой, допил чай и поднялся.

— Я готов, сэр.

Сьюзи не удивилась. Коротко и тепло улыбнулась ему, пригласила в дом — приземистый, широкий, с красной крышей. Сама Сьюзи была в грубых штанах, чем-то

напоминавших краги, и клетчатой рубашке навывпуск, руки — в больших перчатках. И отчего-то Невиллу казалось, что здесь, в маггловской глуши, она удивительно спокойна и благополучна. По крайней мере, той тревожности, которую он постоянно видел в её глазах в Хогвартсе, теперь не было.

В доме Сьюзи, по-видимому, жила одна. По крайней мере, сейчас здесь не было ни души, и не было похоже, чтобы она кого-нибудь ждала. Если у неё и есть парень, они встречаются изредка, чтобы не успеть надоесть друг другу. Да, помнится, она когда-то мечтала о чём-то подобном: «чтобы всегда оставаться милой и приветливой, надо видеть людей, даже близких, только тогда, когда тебе их не хватает». Теперь у неё большой дом, хозяйство, где наверняка работает кто-нибудь кроме неё, но дома её, похоже, не беспокоят. Сьюзи Боунс — хозяйка собственной жизни, которая может быть совершенно уверена, что никакой Волдеморт не нападёт на неё из-за угла.

Ну, или почти уверена.

Они сидели на открытой веранде в плетёных креслах, пили ароматный чай с печеньем, и Сьюзи рассказывала Снейпу какие-то зубодробительные подробности об устройстве техники для обмолота мелких партий зерна. Тот внимательно слушал, время от времени кивал, иногда задавал вопросы.

Невилл просто наслаждался чистым воздухом. Где-то вдалеке мычали коровы, по двору важно разгуливал петух, делая вид, что поклёвывает червячка то тут, то там. Наконец Сьюзи тряхнула головой, улыбнулась и спросила:

— А вы случайно вместе оказались или у вас теперь появился собственный доктор Уотсон?

— Скорее нас можно было бы сравнить со Скотт и Бейли, если бы не наш пол, — хмыкнул Снейп. — Представьте себе, наш славный профессор гербологии в два счёта раскрыл пренеприятное дело.

Сьюзи закивала, продолжая улыбаться.

— О, да, он может. Наш Невилл отлично разбирается в людях, только отказывается признаваться в этом, скажи, Невилл?

— Вы совершенно правы, мисс Боунс, в людях. В ингредиентах, по счастью, я пока ещё дам ему немалую фору.

Они рассмеялись; Невилл смущённо жевал печенье. Он, конечно, хотел, чтобы Снейп отдал ему должное, но почему-то когда это произошло, то оказалось очень неловким.

Когда уже совсем стемнело и Невилл прощался со Сьюзи и Снейпом, в голове окончательно созрела мысль: выяснить, где сейчас все его друзья и знакомые. А то так проживёшь изрядную часть жизни в полной уверенности, что вот-вот Грейнджер станет министром магии, а потом окажется, что она — известный маггловский адвокат.

Но Грейнджер не подвела. Она, как и мечтала, работала в Департаменте магического правопорядка, медленно продвигая большую и неповоротливую реформу. Деннис Криви делал карьеру репортёра, медленно, но неотвратимо идя к славе — по крайней мере, он сам так утверждал. А вот Джастин Финч-Флетчли, как оказалось, прекрасно себя чувствовал в парфюмерном бизнесе у магглов. Впрочем, его Невилл как раз понимал очень хорошо: в маггловском мире у него была богатая, твёрдо стоящая на ногах семья, а в магическом — только довольно неясные перспективы...

Точнее, это теперь уже Невилл мог сказать, что понимает. Раньше ему бы и в голову не пришло, что можно оставить магический мир.

Ханна, как оказалось, тоже ничего не знала, хотя искренне считала, что они со Сьюзи такие же близкие подруги, как раньше, а Джастин и вовсе был на её последнем дне рождения.

— Наверное, им неловко говорить, что они просто взяли и ушли в маггловский мир, — неуверенно сказала она, когда Невилл наконец вырвался в уютный мирок «Дырявого котла». Ханна постоянно что-то делала — протирали столы, помешивала

пиво, мыла кружки, — и Невиллу приходилось ходить за ней, ловить её тонкий стан, обнимать, зарываться носом в волосы, чтобы пару секунд спустя Ханна снова мягко отодвинула его и устремилась куда-нибудь, полная энергии. — Знаешь, мы ведь и правда так пренебрежительно говорим всегда о магглах, что им могло быть, ну, неприятно. Вроде того, как мне неприятно, когда говорят о мертвецах.

Невилл просто молча обнял её. Разговоров о мертвецах Ханна не переносила, особенно когда кто-нибудь беспечно говорил что-нибудь вроде: «Да они давно померли, и кости их сгнили и превратились в пыль». Каждый раз у неё перед глазами вставала одна и та же картина, она рассказывала: что они с Невиллом состарились и умерли, и их кости истлели, а какой-то ребёнок в время игры раскапывает их могилы, играет черепом, будто мячом, и с интересом наступает на кость, чтобы послушать, как она хрустит под стопой. «А это моя кость, понимаешь?» — говорила Ханна, всхлипывая. Наверное, глупый страх. Такой же глупый, как ярость Невилла, когда он слышал шутки про психов.

Каково было слышать детям, племянникам, внукам магглов те шуточки, которые у них считались обычными?

Почему они никогда не протестовали, не пытались одёрнуть, остановить?

Хотя нет, пытались. Гермiona пыталась. И Джастин. Гермiona с возмущением, Джастин очень спокойно, но они пытались. Надолго ли хватало их чистокровных собеседников?

Теперь Невиллу было стыдно. Но сейчас это уже не имело никакого значения.

Надо было привыкать к тому, что его старые друзья разделены между двумя мирами, что у них разные новости, приходя к ним в гости, надо одеваться по-разному и по-разному реагировать на соседей, забежавших на минутку. Поздно было пытаться что-то изменить, просить прощения, просить вернуться назад. Каждый из них построил свою собственную жизнь, и он, Невилл, должен быть просто уважать это, и всё.

И пытаться разглядеть в своих учениках то, чего в своё время не разглядел в самом себе. Замечать, что магглорожденные в определённые моменты собираются вместе, отдельно от других, что письма родителям стараются писать в одиночестве и в одиночестве же читать ответы. Замечать, как старательно они улыбаются, натянуто и неестественно, когда рядом с ними шутят о глупых магглах или веселятся по поводу того, как смешно сжигали ведьм — и, представляете, верили, что они правда сгорают!

Однажды, когда Невилл довольно резко остановил веселье на эту тему, одна девочка, второкурсница по имени Анжела (её фамилию Невилл никак не мог запомнить), тихо сказала:

— А иногда они ошибались. Не иногда. Часто. И сжигали обычных женщин. Очень многих сожгли. У нас книги пишут об этом, их дети часто умирали с голоду или становились нищими.

Дети притихли, и Невилл тоже не нашёлся, что ответить. Но шутки про смешных магглов в его присутствии стали звучать реже.

На самом деле он не думал, что это поможет. Такие мелочи... Они никогда не помогают. Для того, чтобы просто взять и изменить мир, должен прийти Гарри Поттер и уничтожить Волдеморта, Невиллу такое не по плечу. Но, возможно, если немного помочь, совсем чуть-чуть, новому Гарри Поттеру будет легче?

Или, по крайней мере, ждать его придётся недолго.

Гарри тяжело плюхнулся в кресло. Очки сидели на его лице криво, но господин аврор, кажется, этого не замечал.

— Я так устал, Невилл, — пробормотал он.

— Ты всклокоченный, — заметил Невилл, аккуратно накладывая сахар в чашку. Гарри любил сладкий чай.

— Наверное. Не знаю. Не обратил внимания, прости. Я просто очень устал, — повторил он.

— Расскажешь? — Невилл протянул ему чашку.

— Я ничего не понимаю. И никто не понимает, хорохорятся просто. Говорят, мол, это простое дело, что там расследовать, посмотри повнимательней, и сразу всё встанет на свои места... Они всегда так говорят младшим, когда не знают, что посоветовать.

Мантия у Гарри была измята, а правый карман, кажется, обгорел. Сунул туда какой-то артефакт? Да нет, на Гарри не похоже, скорее задел мантией свечу. Интересно, когда он спал в последний раз?

— Понимаешь, вроде бы ничего такого. Просто серия краж из магазинов на Диагон-аллее. Воруют довольно дорогие товары, немного, чтобы можно было незаметно унести, не применяя слишком много уменьшающей магии, которая может вызвать детонацию на складах...

— Погоди, какую ещё детонацию?

— Ну, Невилл, представь себе склад магазина. Так же полно товаров, он и так уменьшенным хранится, и уменьшают так сильно, как только можно. До предела сжимают. Ещё парочка таких же заклинаний где-то поблизости — и, как говорят торговцы, магия лопнет. Произойдёт массовая отмена чар, и склады попросту разорвёт. Незаметным это точно не останется, сам понимаешь.

— Ничего себе. Никогда раньше не слышал, что заклинание можно уплотнить так, чтобы оно отменилось.

Гарри пожал плечами. Говорить о том, что Невилл никогда не был особенно силён в чарах, он не стал: наверняка и сам узнал об этой особенности только во время расследования.

— Экономия должна быть экономной. Хранение товара за пределами магазина стоит денег, а крупные оптовые партии продают со скидками. Выгодно купить сразу много и хранить у себя. Так вот, на пороге каждого магазина всегда рассыпана корица.

— Корица?!

— Представь себе. Произойди это у магглов, я бы подумал, что, может, пытаются отбить нюх собакам, хотя перец для этого вроде бы подходит больше. Но в магическом мире? Зачем? Я уже даже в Отдел Тайн бегал советоваться, никто ничего не понимает. О случайности не может идти и речи, тонкая полоска корицы на пороге каждого магазина. Я уже справочники по зельеварению поднял, хотя не представляю, как они мне помогут, но там чёрт ногу сломит. Все разное говорят, спорят друг с другом, представляешь, некоторым не лениво целую главу посвятить тому, насколько их оппонент неправ. Ты как герболог ничего не можешь мне подсказать, а?

— Я, конечно, посмотрю, но навскидку как-то ничего не приходит в голову...

Гарри мрачно посмотрел на него.

— И знаешь, что хуже всего? Что в одном из магазинов украли артефакт, которого там не могло быть. Мне долго не хотели рассказывать, но, в общем, владелец разобрал дальние полки склада и нашёл несколько очень неприятных вещей... Настоящие тёмные артефакты, представь себе. Некоторые из них сейчас у нас, эксперты в один голос говорят: он говорит правду, они пару столетий пылились под уменьшающими чарами, их никто не передвигал, и вообще самый долгий перенос этих предметов за последние десятилетия — это, собственно, в Отдел Тайн. Но некоторые из них пропали.

— Некоторые? — озадаченно переспросил Невилл.

— Ага. Почему не все, я тоже не понимаю. Но взяли, даже не сомневайся, не самые дорогие даже, а самые опасные. Например, замечательную вещицу, которая при соприкосновении с водой продуцирует сильнейший яд. Растворимый. Можно отравить хоть сотню колодцев, хоть водопровод, хоть Чёрное озеро. А ещё так называемое Копыто Слейпнира: если шарахнуть им хорошенько об землю, она расступается на несколько минут. А потом смыкается снова. Можно что-нибудь спрятаться, а при определённом везении даже спрятаться самому, правда, рискованно, но если есть соответствующие умения или ещё артефакт-другой... Или просто приспособление для того, чтобы дышать

под землёй и водой, незадолго до того украденное в магазинчике Джорджа... Понимаешь меня?

— Понимаю, — серьёзно кивнул Невилл. — Полагаю, всю эту историю и впрямь можно назвать крайним случаем.

— Крайним случаем? — насторожился Гарри. — Что ты имеешь в виду?

«Он меня не поблагодарит, — подумал Невилл. — Но, с другой стороны, если он не понимал, что рано или поздно этим всё закончится, значит, ума у него намного меньше, чем он пытается всем показать».

— Ну, есть у меня один знакомый... — протянул он. — Он вроде эксперта по разным связанным с химией вопросам. Просил беспокоить его только в крайнем случае, но твой случай ведь именно такой, не правда ли? Он и правда хорошо знает своё дело.

— Я сейчас приму помощь даже от призрака Волдеморта, — уверенно сказал Гарри. — Лишь бы не от живого.

— Искренне надеюсь, что живой уже не грозит ни нам, ни нашим детям. Сейчас, погоди минутку, я дам тебе адрес. Скажешь, я тебя прислал. Он не будет счастлив, но поможет.

В этом сомневаться не приходилось. Он поможет, хотя и поворчит для порядка. Ему ведь это нравится.

— Правда, к нему придётся добираться... Не очень просто, у него дом в маггловском районе. Но ты ведь сориентируешься, верно?

Гарри кивнул.

— Сориентируюсь. Уж в маггловском-то районе я точно не потеряюсь.

Невилл поднялся, подошёл к столу и быстро написал на чистой страничке блокнота, лежавшего здесь специально для таких мелких записок: «Северная Ирландия, Голивуд, Дауншир-роад, сто тринадцать, вход со двора».